

INSPIRIA

Рафаэль Монтеc
Илана Касой

18+

БЕЗМОЛВНЫЕ
УЗНИЦЫ



INSPIRIA

Илана Касой
Рафаэль Монтес
Безмолвные узницы
Серия «Ток. Мировые хиты»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70013497

Безмолвные узницы: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-196224-1

Аннотация

ПО КНИГЕ СНЯТ ПОПУЛЯРНЫЙ СЕРИАЛ ОТ NETFLIX.
ТРИЛЛЕР ОТ ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА,
СОЗДАВШЕГО ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В СЕРИАЛЕ
«ДЕКСТЕР», И САМОГО ПОПУЛЯРНОГО АВТОРА
БРАЗИЛИИ.

МРАЧНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ В ГЛУБИНЫ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЕЗУМИЯ И ПОРОКА, ГДЕ СПУСК В АД
НАЧИНАЕТСЯ С ПЕРВЫХ СТРАНИЦ.

Вероника Торрес ведет ничем не примечательную жизнь секретаря в полицейском департаменте. Она не участвует в расследованиях, но жаждет оказаться «в поле». И такой случай ей представляется в день, когда на ее глазах женщина с изуродованным ртом прыгает из окна участка. Вероника никак не может забыть последние слова несчастной: «Теперь он полюбит

меня». Системе нет никакого дела до самоубийства, поэтому Вероника берет правосудие в свои руки.

Жанета идеальная жена. Ее главное призвание – заботиться о муже и во всем подчиняться ему. Даже если то, что он просит – ужасно. Жанета покорно ищет ему новых жертв, безропотно следует за ним в его особое место, надевает коробку на голову и слушает... Она помнит крики из темноты и знает: когда-нибудь муж обязательно убьет и ее. Единственный шанс на спасение – та женщина-полицейская из новостей, расследующая самоубийство. Только она сможет понять Жанету.

«Прочитав этот роман, вы больше не будете разгадывать головоломки, вы станете их коллекционировать». – *Глория Перес, бразильская сценаристка, создавшая сериал «Клон»*

«Этот шикарный бразильский триллер заслуживает того, чтобы совершить кругосветное путешествие». – *Паолу Линс, автор международного бестселлера «Город бога»*

Содержание

Андреа Киллмор	6
1	6
2	11
3	22
4	31
5	41
6	61
7	70
8	88
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Рафаэль Монтес, Илана Касой

Безмолвные узницы

Raphael Montes & Ilana Casoy

Bom Dia, Veronica

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2016 by Raphael Montes & Ilana Casoy

Published in agreement with Agência Riff, Rio de Janeiro

© Пивоварова И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Андреа Киллмор

Безмолвные узницы

1

Этот день стал первым днем конца моей жизни. Конечно, я еще не знала этого, когда утром, открыв глаза, поняла, что опаздываю. На прошлой неделе босс устроил мне небольшую взбучку из-за того, что я проспала, он считал абсурдным приходить позже него. Мне не хотелось вновь выслушивать стариковский бред, поэтому я стремительно напялила первую попавшуюся черную одежду, нацепила браслеты на левую руку (по сей день не появляюсь без них) и захлопнула дверь квартиры, не выпив кофе или чего-нибудь в таком духе, только тяжеленную сумку с собой прихватила.

Даже при том, что я жила в нескольких километрах от здания Департамента по расследованию убийств и защите личности (ДРУ), это не помогло – в Сан-Паулу¹ царили пробки. Я прибыла в полицейский участок спустя 45 минут, едва не полетев с высоких каблуков.

– С добрым утром, Вероника! – крикнули мне на входе,

¹ Сан-Паулу – город на юго-востоке Бразилии, крупный финансовый центр, один из густонаселенных городов мира.

и я ответила привычным жестом. По утрам я несколько раздражительна и не склонна к общению. А потому лишь слегка улыбнулась – ровно настолько, чтобы меня не назвали бучкой. Когда лифт поднялся на 11-й этаж, я ощутила, как урчит в животе, и прикинула, сколько калорий могу себе позволить сегодня. Очень и очень мало. Поверьте: 38-летней женщине непросто жить с лишним весом. И как будто этого недостаточно: понедельник, как правило, становятся еще хуже, когда чувствуешь вину за то, что расслабилась в выходные. Бросив сумку на стол, я заглянула в кабинет шефа. Старик уже пришел, но дверь была закрыта, а жалюзи опущены. Послание понятно: «Не беспокоить». Карвана устанавливал правила, я им подчинялась. Ему нравилась эта мелкая власть: командовать мною, а меня же привлекало то, что в действительности я так, по-женски, незаметно его контролировала.

После того как несколько лет занимаешь должность секретаря в гражданской полиции штата Сан-Паулу, начинаешь понимать преимущества быть невидимкой. Люди на тебя не смотрят. Они стремительно минуют твой стол, занятые своими делами и собственными проблемами, просят одолжить степлер, интересуются новостями, мимоходом спрашивают «как ты?», не ожидая иного ответа, кроме как «все в порядке», комментируют прошедший футбольный матч. Но никто из них – слышите, никто – на самом деле тебя не замечает. Ты невидимка.

– С добрым утром, Вероника, – бросил кто-то, проходя мимо моего стола. Я не ответила. Гораздо больше меня забавил холодильник на кухне. Прямо у дверцы обнаружились два киндина², оставшиеся после празднования чьего-то дня рождения. Смирившись, я выбрала светлое желе. Пережевывая эту клубничную гадость, я вернулась к столу, предвкушая грядущую неделю: вязкую, с привкусом бюрократии, с кучей запросов и депеш, ожидавших меня. Я подумывала проверить чаты в Ватсаппе, но на поиски телефона потребовалось столько времени, что я решила для начала бросить вызов хаосу в сумке.

Муж шутил, что там прячется вся моя жизнь: меняя сумку, я ничего не делаю с беспорядком. Мои мечты, страхи, тщеславные помыслы закрыты на молнию. Мне нравится этот образ, и теперь я думаю, что, возможно, он прав: вес сумки – доказательство того, что жизнь – нелегкая штука. Можно подумать, я храню в ней труп.

Перевернув сумку вверх дном над столом, я положила ее на колени и приступила к «уборке».

– С добрым утром, Вероника, – сказала девушка-невидимка, каждый день предлагающая мне кофе. Я не знала, как ее зовут, и уверена – мое имя ей известно только благодаря табличке на столе. Вскинув голову, я улыбнулась девушке и

² Киндин – популярный бразильский десерт, который готовят из сахара, яичных желтков и молотого кокоса. По консистенции напоминает густой крем (*здесь и далее – прим. пер.*).

вернулась к своей миссии. Скопившиеся квитанции: мусор. Листовки: ерунда. Остатки фантиков и жвачки: мусор. Я обнаружила потерявшуюся несколько дней назад нюдовую помаду и убрала на место презервативы, которые всегда носила в бумажнике. Расположила денежные купюры «лицом» в одну сторону и добавила к ним еще одну, выуженную из косметички.

Понятия не имею, как долго я занималась этой уборкой. По ощущениям, всего несколько минут, но возможно, и полчаса. Все, что могу сказать – я совершенно не обратила внимания, как дверь в кабинет Карваны внезапно открылась, и оттуда вышла очень худая женщина, вся в слезах. Помню, я безучастно посмотрела на Карвану. Он сдержанно просигнализировал: «Позаботься о ней ради меня». Как всегда. Старик был бессердечным мудаком, это факт.

Женщина съежилась в углу возле кофемашины, которая всегда была на грани поломки. Она сильно дрожала, вся растрепанная и поникшая. Она тоже была на грани поломки. Когда я подошла ближе, женщина подняла голову, и я смогла рассмотреть ее лицо. Но не увидела ничего, кроме ужасного, израненного рта. Губы были опухшими, красными, гноящимися. Мне все же удалось отвлечься от искаженного рта и заглянуть женщине в глаза. Мне нравится смотреть людям в глаза.

Позже я узнала, что ее зовут Марта Кампос. Позже я узнала все о ее жизни. Больше, чем она могла себе представить.

Но в тот момент мне ничего не было известно, и все же я остро чувствовала, что мы с ней связаны, ощущала сострадание к женщине с отвратительным ртом. Теперь я понимаю причину. Для Марты я не была невидимкой. В тот понедельник, в день начала конца моей жизни, она стала первым человеком, который действительно пожелал мне «доброго утра». Пожелал взглядом, глядя на меня, будто в зеркало.

Я попросила Марту успокоиться, заверила ее, что все будет хорошо, и поспешила к холодильнику за стаканом воды. Когда я вернулась, было уже слишком поздно. Может быть, я и допустила ошибку, но что-то мне подсказывает, что я поступила правильно. Замерла, вцепившись в стакан, уважая ее желание – выбор Марты. В нескольких метрах от меня она сняла очки и положила их на мраморный подоконник. Марта взглянула мне в глаза в последний раз, прежде чем забраться на окно:

– Теперь он меня полюбит, – сказала она между вздохами. Не раздумывая, Марта раскинула руки и откинулась назад всем телом. Я побежала. Клянусь, я рванула к ней. Но добралась до окна как раз вовремя, чтобы увидеть, как она рухнула вниз после свободного падения с одиннадцатого этажа.

Техника полностью вышла из строя.

– Сообщи мне хорошие новости, Веро! – крикнул Карвана, стоило мне войти в его кабинет. Уже стемнело, и я чувствовала себя вымотанной, потной; одежда кололась, волосы липли к затылку и лбу. Войти в кабинет Карваны – все равно что попасть на поле боя, а сам он всегда готов к войне. Стакан виски в руке, наполовину опустевшая бутылка на рабочем столе, рядом с небольшой табличкой «Начальник департамента доктор³ Уилсон Карвана». Я старалась не сильно раздражаться из-за его бесчувственности; за много лет я успела узнать его манеры, показное безразличие, и должна была уже свыкнуться с этим. Но сегодня – не один из любых других вечеров: женщина покончила с собой после того, как больше часа провела в его кабинете, и все, о чем этот старый подонок-полицейский у меня спросил – это хорошие новости. Я знала, что он хотел услышать, и заявила:

– Тело только что вывезли в катафалке. Все чисто, босс.

– Наконец-то! – Карвана фальшиво ухмыльнулся и развернулся ко мне. – Ты сделала для меня фото?

Я кивнула, передав ему бюрократические бумажки по этому делу. На первой странице – снимок безжизненного лица Марты Кампос с зияющим гноящимся ртом. Он мель-

³ Принятое в Бразилии уважительное обращение к старшим (по возрасту, званию или положению), даже если человек при этом не имеет докторской степени.

ком взглянул на фото и брезгливо швырнул тонкую папку на стол.

– Чертова чокнутая баба! Мой гребаный мобильник разрывается от звонков. Стервятники-журналиги пируют! Там еще много народа?

Вытянув шею так, что голова слегка закружилась, я выглянула в окно. У входа толпилось изрядное количество репортеров и зевак, несмотря на то что тело уже увезли.

– Расслабься, Карвана, это суицид. Прессе такое не слишком-то интересно, – проговорил он, пытаясь снизить значимость события. – Не парься! Эти журналисты охочи до падали. Всего-навсего пересуды! Еще немного – и департамент внутренних дел тоже устроит мне проблемы. А ведь до пенсии мне осталось совсем ничего! Чем я это заслужил?

Ты всегда был большим мудаком, хотелось ответить мне. Но не удалось. Карвана жаждал слышать исключительно себя, он вещал громко и отчетливо, наслаждаясь собственным голосом. Он был эгоцентриком, узаконенным системой. А теперь случилось так, что он попал в ловушку, оказался в затруднительном положении.

Не спрашивая, Карвана налил мне стакан виски и поднял тост, словно празднуя плохой день. Отчаянная попытка подтвердить наше партнерство. Мне хотелось надавать ему по морде.

– Нам нужно согласовать наши версии, – проговорил Кар-

вана, закуривая сигариллу⁴. – В департаменте внутренних дел скажем, что Марта была не в себе, постоянно заговаривалась. Глянь на ее физиономию на фото: у нее рот весь в пятнах. Чокнутая, и этого достаточно. Быстренько закроем этот вопрос. Какое тебе дело до этого, Веро?

«Какое тебе дело» – крылатая фраза Карваны, которую он повторял со сдержанной гордостью и отвратительным превосходством. В последнее время старик устранился от менее очевидных расследований, желание докопаться до истины у него пропало, и думать он мог только о том, сколько рыбки наловит в Мату-Гросу, выйдя на пенсию и избавившись от змеюки-жены.

Мне пришлось вступить в игру, чтобы добиться желаемого. Если достаточно хорошо помассировать его это, то он прекращал использовать меня в качестве боксерской груши и открывал клюв, сам того не осознавая. Способ заключался в том, чтобы называть его док. Док, от «доктор». Старик ощущал себя героем сериала «C.S.I. Майами», только без солнечных очков.

– Все в порядке, док. Мне нет до этого никакого дела. Но расскажите, что эта «баба» хотела от вас. Она долго просидела в вашем кабинете, но вы даже не позвали меня, чтобы завести дело. Мне любопытно.

– Ох, Веро, не хочу затрагивать эту тему...

⁴ Сигарилла – тонкие сигары в виде скрутки табачного листа, начиненные резаным табаком.

Я протянула руку Карване с молчаливой просьбой затянуться сигариллой. Он в курсе, что я не курю, но ему было важно чувствовать, что я его сообщница, человек, с которым можно разделить и табак, и тревоги. Я вскинула брови, давая понять, что простым отказом говорить от меня не отделаться.

– Черт возьми, док, эта женщина, Марта, покончила с собой у меня на глазах. Расскажите, в чем была ее проблема. Я должна понять, чтобы помочь вам. Она вышла из вашего кабинета вся в слезах.

– Женщины плачут из-за всего, – сказал он, откидываясь на спинку кресла, и выдохнул дым в мою сторону. – Эта Марта хотела подать жалобу. Она из тех женщин, которые становятся тощими тетками, которые плохо питаются и нуждаются во всем. Искала бездельников в интернете на этих сайтах знакомств. Потом, похоже, обзавелась негодяем и решила, что он мужчина ее мечты. Парень какое-то время лгал, занимал деньги, обещая вернуть, и сумел вытянуть из дамочки целое состояние. И я тебя спрашиваю: что я могу с этим поделать? Ее заставляли платить парню? Неа. *Я заигралась в благотворительницу, потому что была лохушкой, и практически платила за то, чтобы меня называли «моя любовь».* И с чего вдруг теперь ты заявила, чтобы подать жалобу и испачкать мой тротуар?

Каждый день я дивилась способности Карваны быть му-даком. Извернувшись, я спросила:

– А что у нее со ртом?

– Сказал же, у нее был этот гребаный парень. Возможно, герпес.

– Значит, они встречались лично?

– Вроде только один раз. После того, как они несколько месяцев общались в интернете, подонок согласился встретиться. Они поужинали, он нажрался устриц, она одолжила ему денег или еще чего, и – пуф! – парень испарился. После этого рот женщины и стал таким, полностью изувеченным! Ей хотелось, чтобы я нашел мошенника. Я заявил, что не смогу, он уже исчез, а ей стоит жить дальше, залечить рану и забыть об этой истории. В лучшем случае можно было слепить дело из денег, которые исчезли. Я на нее не орал или что-то в этом роде. Ты меня знаешь, Веро, я хороший парень. Сказал, что понимаю ее, уважаю ее позицию и все такое. Вел себя как настоящий джентльмен. И ей надо было покончить с собой в моем участке?

– Женщина была не в себе, док.

– Пришибленная, говорю тебе. Кажется, такие люди делают из меня громоотвод. Этакая женщина-дракон. Появляется принц, говорит все, что она хочет услышать, и просит денег. Что она о себе воображает? Что парня зацепила ее фотка на сайте? Или ее анкета? Это задача для психиатра, а не полиции. Лечение, Веро, вот и все, что им требуется. И хороший трах для спокойствия.

Я выдавила из себя улыбку, соглашаясь с ним. Старик за-

служил даже не удар, а целое избиение. Гребаный сексист. Я знала, как трудно любой женщине прийти в полицейский участок и написать заявление, преодолевая стыд, объяснять, как ее выставил идиоткой какой-нибудь сердцеед, клявшийся в любви в интернете. Я думала лишь о том, как Марта, сидя у Карваны, ощутила этот уничижительный тон, это презрение к боли, которую она испытывала. Я понимала, почему бедняжка выпрыгнула из окна.

«Теперь он меня полюбит», – сказала она. И окинула меня последним близоруким взглядом, взывавшим к справедливости. Но справедливость тоже близорука, и Карвана не желал к ней стремиться. В конце концов, меня всегда будоражила охота на всяких извращенцев. Вот почему я решила подать заявление в полицию много лет назад, стала стенографисткой и, после настоящего хаоса, оказалась в роли секретаря. Но это уже другая история.

Я выпрямилась до такой степени, что еле удерживалась на самом краешке стула, и развернулась к Карване, зная, что следующий шаг довольно рискован, хотя и необходим.

– Док, могу я этим заняться?

Он выпучил глаза, едва не подавившись дымом сигариллы, но прежде чем успел что-то сказать, я продолжила:

– Я с вами согласна, эта баба чокнутая, но существует шайка, специализирующаяся на таких аферах. Вы не можете это игнорировать, по крайней мере не то, что связано с деньгами. Заявление Марты у вас на компьютере? Можно

мне посмотреть? Вы же знаете, я могу помочь поймать этого парня, не отсвечивая...

Я атаковала, а Карвана не подготовился. Он был застигнут врасплох. Безусловно, это обойдется недешево. Старик скривился, фыркнул и снова выдал аргументы, которые всегда меня настораживали:

– Веро, ты действительно безнадежна! С попыткой суицида в твоём послужном списке тебе абсолютно запрещено расследовать такие вещи! Какая у тебя объективность? Ноль. Секретарша – самое большое, что я мог сделать, чтобы пристроить тебя здесь. И даже это – не ради тебя, а ради моего друга Жулио! Никакой уличной работы, никаких расследований. Я же говорил тебе, забудь! Пусть новости остынут тогда же, когда остынет труп!

Подонки даже ухмылялись. Снова плюнул мне в лицо! Такова жизнь: ты совершаешь сотню правильных поступков, а эти ублюдки помнят только один, неправильный. Это чертовски несправедливо, и несправедливость ранит душу. Я почувствовала тяжесть в груди. Волна тоски, которую я хорошо знала, пыталась прорваться сквозь плохо залатанные лоскуты моего прошлого. Я платила по счетам, навечно привязанная к этому столу со стопками постоянно теряющихся бумаг.

Я собиралась возразить, но телефон Карваны зазвонил раньше, чем я успела открыть рот. Это был начальник управления. Приятно видеть, как эта мумия дрожит всем телом от

звонка вышестоящего. Старик, прочищая горло, расхаживал туда-сюда, когда рассказывал о своих проблемах.

– Ну, шеф... О чем вы? Все под контролем, вам не о чем беспокоиться. Нет, дело не заводи. Я тоже потрясен. Мы всячески поддерживали бедную женщину, сеньор. Я знаю, по телевидению... У девушки, к сожалению, не все в порядке с головой. Да, я в курсе, делегат. Да... Да... Да... Нет. Разумеется. Слушаюсь.

Разговор окончен, он потерпел поражение. Старик взглянул на меня, словно просил о помощи.

– Начальник управления на меня насаждает. Мне нужно съездить на совещание. Выключишь все у меня?

– Выключу.

– И обещай, что забудешь эту историю.

– Обещаю.

Стоило старику выйти, как я улыбнулась. Не только внешне, но и в глубине души. Я достала из кармана флешку, воткнула в его компьютер и скопировала все данные за этот день. Не теряя времени, отправилась в комнату вещдоков. Полицейский участок практически опустел, и мое присутствие никого не могло насторожить; было тихо. Я осторожно открыла пакет с сумкой Марты Кампос, небрежно заброшенный на полку. Я даже не удосужилась надеть перчатки: мои отпечатки пальцев во внимание не примут, поскольку я работаю в этом здании. Сомневаюсь, что кто-то их заметит. В Бразилии вообще никто ничего не проверяет. Женщина по-

кончила жизнь самоубийством. Совсем скоро дело закроют.

Я просмотрела содержимое сумки, попутно фотографируя все на мобильный телефон. Слава богу, Марта Кампос была гораздо организованнее, чем я. Внутри обнаружился даже кошелек, в котором все было разложено по своим местам. Я нашла мазь «Орабаз»⁵ (без сомнений, для тех ужасных ран на губах), ключи от машины и небольшой ежедневник, похожий на «Молескин»⁶. Просмотрев страницы, я увидела, что заметки кое-где выделены маркером. Записную книжку я быстро бросила в свою сумку. Все равно никто не заметит. Еще один ключ – в кошельке внутри сумки; должно быть, от ее дома. Косметичка с зубной щеткой, пастой и зубной нитью.

Я просмотрела несколько квитанций по кредитным картам, но не нашла ничего особенного. После чего сосредоточилась на мобильном телефоне. В наши дни вся жизнь человека хранится внутри этих маленьких гаджетов. И, к моему счастью, одинокие люди вроде Марты даже не удосуживаются запаролить доступ.

Я быстро просмотрела несколько последних электронных писем, и вот оно: электронная квитанция от компании такси с адресом отправления и адресом полицейско-

⁵ «Орабаз» – мазь для полости рта, применяется при воспалительных и язвенных поражениях.

⁶ «Молескин» – популярный бренд итальянских канцелярских товаров, который известен своими высококачественными блокнотами и ежедневниками.

го участка. Ладно, приехала она не на машине. Несколько писем показались мне странными: в теме указан адрес почтового администратора – так делается, когда получатель не найден. Я убедилась, что все они были отправлены на адрес «estudentelegal88@gmail.com». Несомненно, именно эту электронную почту использовал мошенник, обманувший Марту. И даже после всего она не прекратила писать парню, у нее все еще оставалась крошечная надежда, что произошло какое-то недоразумение и что их история любви не была фальшивкой. Ей отчаянно хотелось поверить в реальность происходящего. Compliments, адресованных ей, любовных сообщений. Как кто-то может так жестоко лгать лишь ради того, чтобы вытянуть деньги у обманутой женщины?

Я хотела посмотреть всю почту, однако приходилось спешить. Кто-то может и войти сюда, а у меня нет желания ничего объяснять. Я сунула все ключи в карман, закрыла пакет для вещдоков, выключила свет и вышла. Взглянула на часы: почти девять. Не теряя времени, я позвонила мужу из пустого лифта и солгала:

– Тигра, у нас проблемы в участке. Я задержусь немного. Заберешь детей у своей мамы? И я тебя люблю.

Повесив трубку, я не могла не подумать о Марте: «Теперь он меня полюбит». Репортеры продолжали толпиться у дверей департамента. Мне пришлось сказать несколько слов об этом деле на камеру; конечно, я старалась не называть имени

Марты. Предпочла не комментировать самоубийство, лишь заявила, что расследование ведется и что я не успокоюсь, пока не докопаюсь до истины. А после сбежала на парковку. Я успела сесть в свою черную «Хонду Фит», когда завибрировал мобильный. Карвана. Без сомнений, он хотел удостовериться, что я отключила все согласно его приказу, не наговорила ерунды прессе, стерла из головы эту историю и по-прежнему на его стороне. Я завела машину, не обращая внимания на мобильный: пусть вибрирует. К черту Карвану!

Waze⁷ был настоящим спасением. Я родилась без внутреннего компаса; могу заблудиться в собственном квартале. Навигатор спокойно и без всякого стресса доставил меня прямо к месту назначения. Хотя день и был ужасным, мне везло. Рядом с домом Марты я легко нашла парковочное место. Проблема возникла позже: она жила в очаровательном комплексе в Сан-Паулу, но центральные ворота были закрыты. В тени дерева я ждала удобного случая. Многие в это время возвращаются с работы, кому-то точно придется открыть ворота, чтобы заехать. Ноги сильно болели. Знаете этот день, когда выбираешь не тот каблук? Если б я знала с утра, как это будет утомительно, то пошла бы на работу в теннисных туфлях, честное слово. Каждый ремешок туфель врезался в мою кожу, но Марта заслужила шанс выяснить, что же произошло в ее жизни.

Не так уж много времени прошло до появления местного жителя, который активировал пульт дистанционного управления. Я заняла отличную позицию, поэтому смогла быстро проскользнуть в комплекс, стоило ему проехать. Вскоре я обнаружила дом Марты: номер восемь, маленький, выкрашенный в бело-желтый цвет, он казался совсем кукольным. Но только снаружи.

⁷ Waze – навигатор для телефона.

Внутри – совершенно другая история. Я частенько повторяю, что место, где мы живем, говорит о нас столько же, сколько и отпечатки пальцев. Дом Марты хорошо отражал ту трясущуюся, рыдающую женщину, которая покончила с собой у меня на глазах сегодня. Здесь царил беспорядок. Это было похоже на мою сумочку, только гораздо хуже. Я прошла внутрь и споткнулась о потрепанный ковер. Взяла мобильник, швырнула сумку в кресло-качалку у входа и с облегчением сбросила туфли. Осматриваться босиком значительно лучше.

Я фотографировала все, что считала важным для понимания жизни Марты Кампос. Под внешней запущенностью становилось заметно, что до недавнего времени в доме царил порядок: некое единство цвета в мебели, красочных коврах (хотя и затоптанных) и со вкусом подобранных картинах (запыленных). Очевидно, не так давно в ее жизни случился некий поворотный момент, два пересекающихся события, кульминацией которых стало противоречие красивого, но запущенного дома и прекрасно организованного пространства в сумке. Была ли Марта в депрессии?

Я отправилась в ванную. Плитка, покрытая налетом, стоки, забитые волосами, влажные полотенца. Последние несколько дней Марта существовала словно зомби. На полочке – краска с истекшим сроком годности и повторно используемые флаконы для шампуня и кондиционера, наполненные водой. Она была высокомерна, но уже давно пере-

стала заботиться о себе. Я открыла шкафчик и вскоре нашла два антидепрессанта, «Донарен» и «Симбалту». Были также флаконы с «Фронталом»⁸, но это ладно: если тебе за тридцать и ты не нуждаешься в успокоительных, ты заслуживаешь награды. Я сфотографировала все и пошла в спальню.

Я поколебалась, прежде чем открыть дверь, и молча извинилась перед Мартой за вторжение в ее личную жизнь. Меня охватило странное чувство: словно я мертва и незнакомый человек роется в моих вещах. Это было совсем не круто. Мне пришлось напомнить себе, что я делаю это с благой целью: засадить в тюрьму засранца, обманувшего ее. Комната была обставлена со вкусом, но несколько чересчур. На стенах висели постеры с Элвисом и Мадонной. На полу и на двуспальной кровати разбросана куча подушек с лицами знаменитостей: Мэрилин Монро, Джеймс Дин и Клуб 27: Джим Моррисон, Дженис Джоплин, Курт Кобейн, Джимми Хендрикс и Эми Уайнхаус улыбались мне. Все эти звезды умерли от «передозировки жизни». Возможно ли, что самоубийство было частью фантазий Марты? Может быть. Я проверила ящики и шкафы. Прощального письма не было, как не было и ничего, указывающего на то, что утром она вышла из дома с намерением выпрыгнуть из окна высотки. Она просто хотела, чтобы ей помогли. Но разговор с Карваной оказался смертельным.

⁸ «Фронтал» – успокоительное, противотревожное, миорелаксант и т. п. Лекарственный препарат.

Мое тело молило об отдыхе, но я попыталась сосредоточиться. Взяла стакан воды из холодильника и, пользуясь возможностью, заглянула внутрь. Слишком много бутылок кока-колы, слишком мало съестного, кошмарный запах испорченной еды навывнос из ресторанчика «Траттория Саржен-то», остатки чего-то в больших контейнерах, и все без какого-либо порядка. В раковине скопилась посуда, на столе крошки. В кладовой – еще бутылки из-под кока-колы. Никакой марихуаны, кокаина или алкоголя. Только кола. Вот и вся зависимость Марты.

Я вошла во вторую комнату и заметила, что та служит кабинетом. На полках стояли всевозможные книги: классические, коллекционные, дерьмовые, сладкие романы, бульварное чтиво. Я сделала снимок, чтобы проанализировать их позже. Быстро пролистала семейные альбомы. Несколько фотографий, все старые, с пожилыми людьми – дяди, двоюродные братья, бабушки и дедушки. По-видимому, у Марты не было потомков, только предки; печальная реальность, когда мы стареем. Я села за компьютер, который меня интересовал больше всего. Он находился в спящем режиме. Я воткнула флешку и, копируя содержимое, воспользовалась возможностью изучить историю поиска. Я заметила, что за два месяца до смерти Марта частенько заходила на сайт знакомств AmorIdeal.com, а потом перестала. Несомненно, тогда-то она и познакомилась с аферистом. Я попыталась получить доступ к ее профилю на сайте, но не смогла: аккаунт

удален. Возможно, она сама его удалила, думая, что нашла настоящую любовь. Последние два месяца она витала в облаках, подпитываемая лживыми комплиментами обманщика. Звучало смешно, но реальность была ужасной.

Я открыла несколько электронных писем от @estudantelegal88 и убедилась, что это действительно тот самый мошенник, с его сладенькими любовными посланиями. Марта называла его Пьетро, но я была уверена: имя фальшивое. В одном из последних писем он в открытую просил 1500⁹ реалов, чтобы заплатить за медицинские анализы, которые должен был сдать в срочном порядке и на которые не распространялась его страховка. Не знаю, кто сказал, что любовь слепа, но он был совершенно прав. Все женщины слышат по телевизору про такие аферы, но думают, что подобное происходит только с кем-то другим. А попав в аналогичную историю, верят первому попавшемуся мудаку. @estudantelegal88 был умным, он профессионально забрасывал почтовый ящик Марты страстными посланиями, отправленными посреди ночи:

«Сейчас четыре утра, и я проснулся, думая о тебе =) Знакомство с тобой изменило мою жизнь. Ты моя настоящая любовь. Я не говорю, что люблю тебя, потому что, если произнесу это, ты сбежишь... но я люблю тебя, моя принцесса! Ты прекрасна, ты часть моих снов... Жду не дождусь, когда мы будем вместе. Пьетро».

⁹ 1500 реалов – примерно 30 000 рублей.

Еще одно электронное письмо, отправленное им через несколько минут:

«Моя красавица, я все еще не могу уснуть. Ты не выходишь у меня из головы. Как мне теперь с этим жить? Мне очень повезло найти тебя. Я надеюсь убедить тебя в своей порядочности и завоевать навсегда. Пьетро».

И еще, в восемь утра:

«Я проснулся с улыбкой. Очень приятно быть любимым и любить кого-то по-настоящему. Спасибо, что вернула мне надежду на счастье, моя красавица! =)».

Если проанализировать содержание сообщений, становится заметно, что поначалу Марта осторожничала в своих ответах, но постепенно сдалась и смягчилась, пока ласковые слова не поглотили ее целиком. Тут-то Пьетро и начал ее использовать, прося денег в долг:

«Моя принцесса, мне стыдно даже говорить об этом, мы не встречались лично, но мои чувства настолько сильны, что, думаю, я могу обратиться к тебе за помощью в момент крайней необходимости. Мне некуда податься, это действительно серьезно. = (Можешь ли ты одолжить мне пятьсот реалов? Мой банковский счет заблокирован из-за судебного иска к моей семье, и мне нужны деньги на оплату месяца в колледже! Обещаю, я верну тебе деньги, как только все уладится. Целую, Пьетро!»

Мой телефон завибрировал, слегка напугав меня. Снова муж, в четвертый раз. Больше задерживаться нельзя. Мне не

хотелось ссориться по возвращении домой, только этого не хватало. Паулу не мог приспособиться к тому, что был женат на офицере полиции, истинная правда. Порой, когда я рассказывала истории, услышанные в участке, мне казалось, что он воспринимает меня как дикого зверя. Он был не в состоянии понять той лихорадки, которая охватывает полицейского с появлением тайны; это прилив адреналина, желание узнать правду, вернуться к началу. Я всегда с нетерпением ждала расследования «в поле». Итак, я «в поле».

Я поспешно вырубил компьютер и уже выключала свет, когда заметила пробковую доску, висевшую за дверью спальни. Там, среди стикеров и прищипленных кнопками записок, я нашла сокровище. Среди множества бумаг, чеков из ресторанов и других бесполезных на первый взгляд вещей. Марта, похоже, начала собственное расследование, чтобы установить личность @estudantelegal88, он же Пьетро. На доске висели распечатки переписок в Фейсбуке¹⁰ и электронной почте, всевозможные документы, листочки с признаками мошенника, а также любительский набросок его лица – знак того, что у Марты действительно не сохранилось никаких его фотографий. Я собрала все бумаги, чтобы потом просмотреть и отделить зерна от плевел. Безусловно, кое-что из этого бардака она относила к Карване, но старый ублюдок,

¹⁰ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

должно быть, спрятал записи от меня или выбросил в мусорное ведро.

Я собиралась уйти. Взяла сумку со стула, сунула в нее мобильник, флешку и бумаги – и снова там хаос. Решила не обуваться – не заслужила я таких мучений. Уже возле двери заметила небольшой столик, на котором лежало несколько конвертов и почтовых пакетов. Я ворвалась в дом с такой стремительностью и жадой добыть информацию, что проигнорировала этот столик. Я просмотрела конверты: счета за электричество, газ и телефон; стандартные письма от благотворительных организаций с просьбой о финансовой помощи и, наконец, уже вскрытый конверт из лаборатории. Результаты осмотра рта и влагалища Марты: пробы на бактерию *Defungi vermibus* дали положительный результат. Я сфотографировала бланк анализов и ушла.

Направляясь через комплекс к воротам, я нажала на кнопку сигнализации на ключе от машины Марты, желая посмотреть, где та припаркована. Мне было непонятно, зачем женщина взяла такси, чтобы добраться до полицейского участка, если у нее имелся автомобиль. Была не в состоянии водить? Поиски оказались безрезультатными: авто не обнаружилось ни рядом с домом, ни в пределах района. Я даже прогулялась по кварталу: ничего. Заинтригованная, я бросила ключи в сумку и забралась в свою «Хонду».

Прежде чем завести двигатель, проверила мобильник: еще три звонка от мужа. Воспользовавшись случаем, я залез-

ла в Гугл и искала информацию о *Defungi vermibus*¹¹. Через несколько секунд появился результат: это грибок мертвых, который, как известно, появляется только на трупах. Я продолжала читать. Некоторые статьи рассказывали о городской легенде «поцелуй некрофила»: девушка целует красавчика в клубе и подхватывает бактерию, которой свойственно появляться исключительно на трупах. У меня поползли мурашки по коже. Просто сложите два и два. Если Марта подхватила эту заразу в результате их романа, она обнаружила не только то, что ее обманули, но и то, что тот тип, мужчина ее мечты, был некрофилом.

Уронив голову на руль, я разрыдалась так, как не плакала много лет. Я вспоминала, как Марта беспомощно съежилась рядом со сломанным кофейным автоматом. Вспоминала ее отвратительный рот, сочившийся болезнью. Испуг в ее глазах, ощущение, что ее обманули, а потом проигнорировали. Для многих быть невидимкой – это реальность. Марта знала об этом. Обида, удар, обследование, ложь. И я вспомнила фразу... Фразу, которую она произнесла перед тем, как бросилась в окно. У нее появился смысл.

Теперь он меня полюбит...

¹¹ *Defungi vermibus* – трупные черви, трупные личинки (лат.).

Жанета вытирает руки о клетчатый фартук, который выбрала в тот день. Идеально выглаженный, с аккуратными рюшами, почти не забрызганный, чистенький. Она кладет ладони на раковину и вздыхает. Ей хочется плакать, но она не доставит ему такого удовольствия. Проглотит рыдания. Она просит себя успокоиться, слушая, как ее муж ворчит на всю комнату, ударяя кулаком по обеденному столу:

– Черт возьми, Жанета, я голоден, и я опаздываю! Боже, женщина, почему ты так тормозишь? У меня сегодня дежурство! Жратва сегодня появится или нет?

Так было не всегда. В начале брака Брандао делал все, чтобы доставить ей удовольствие, балуя ее, окутывая заботой. Казалось, он полон решимости завоевать ее, и действовал очень ловко. Постепенно он стал смыслом ее жизни. Он был требовательным мужчиной, она всегда это знала, но чувствовала, что ее ценят. Ценят в том, что ей удавалось лучше всего: в заботе о муже и доме.

У Жанеты были больная мать и три сестры, все замужние, с детьми, но все они переживали, когда она, младшенькая, решила уехать жить в большой город со своим будущим мужем. Тогда Жанета была уверена в том, чего хочет, и расцвела, ощутив небывалую свободу. Она считала себя победительницей: у нее будет собственный домик в Сан-Паулу,

она создаст уют и комфорт для мужа, который будет любить ее и заботиться о ней. Это походило на сказку. И долгое время все так и было.

Больше всего на свете Жанета любила своего мужа. Поэтому она все поняла, когда он намекнул, что ее семья чересчур назойлива. Мать звонила едва ли не ежедневно, сестры – раз в неделю, и все они хотели узнать об их жизни, а Жанета имела дурную привычку рассказывать. Это прекратилось. Постепенно она перестала их навещать, потому что забота о Брандао отнимала слишком много времени. А когда мать умерла, она даже не поехала на похороны, из-за чего сестры навсегда разорвали с ней отношения.

Жанета не скучала по ним. Она была действительно нужна Брандао – без нее все пойдет кувырком. Она очень гордилась, когда муж рассказывал, как нахваливают коллеги его всегда хорошо отутюженную форму военной полиции, когда он получал к обеду блюдо, о котором мечтал, когда отмечал новый фартук или ухоженные ногти.

Жанета выбрасывала из своей жизни все, что могло угрожать ее чудесной любви. Она практически никого не знала в городе, поскольку редко выходила на улицу. Друзья исчезли, забыв о ней, нога которой больше никогда не ступала в деревеньку Жалис. Звонки тоже смолкли. Кто ей позвонит?

Брандао считал, что социальные сети – мусор, предназначенный для лентяев, и она быстро удалила свои аккаунты в

Фейсбуке, Твиттере и Инстаграме¹². У нее даже мобильного не было, чтобы не возникло путаницы с номерами. Каждый день муж проверял историю браузеров и последние номера, набранные на стационарном телефоне, заявляя, что беспокоится о безопасности семьи. Это не имело значения. Брандао был для нее всем, и ей больше ничего не требовалось. Но сегодня все не так...

Жанета вздрагивает, грохот, доносящийся из-за обеденного стола, вырывает ее из мыслей. Муж сидит, вцепившись в нож и вилку. Он в нетерпении стучит по столу металлическими столовыми приборами, просто чтобы вывести ее из себя.

– Эта дерьмовая жратва подгорает!

Почувствовав в воздухе запах подгорающего обеда, она наконец возвращается в реальность. Достать финиковый пирог из духовки, уменьшить огонь под сковородкой, зацепить солонку на указательный палец, захватить салат и выставить все на скатерть в цветочек. Она подает мужу тарелку со свежим салатом и кусочком пирога, чтобы он мог заморить червячка, пока дожариваются стейки на сухой сковороде. Жанета вытирает капли пота со лба кухонным полотенцем, украшает стейки карамелизованным луком, выпрямляется и готовится встретиться с ним лицом к лицу. Брандао сидит за

¹² 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

столом, совершенно не голодный. Но тем не менее он ест.

В абсолютной тишине, как того требуют правила дома. Она жует, зная, что еда вкусная, но ощущает во рту только песок. Это вкус горечи. Брандао смотрит местные новости по телевизору: шокирующая история о женщине, выбросившейся из окна полицейского участка. В этот момент Жанета по странному извращению собственного сознания узнает себя: в мире есть и другие люди, жизнь которых не удалась настолько же, как и ее собственная. Даже в своей трагедии она не уникальна.

Погрузись в репортаж, вслушайся в него, смотри внимательно. Только представь, покончить с собой. Ты думала об этом раньше, в моменты отчаяния, когда не могла уснуть, потому что помнила крики. Крики из темноты. Но у нее недостает мужества, которое было у той, другой. Она трусиха.

– Жуй тише, Жанета! – муж хлопает ее по плечу. – Я хочу слышать, что говорит этот сукин сын!

На экране седовласый мужчина с пышными усами и усталым взглядом, окруженный микрофонами различных телеканалов, торопливо рассказывает о деле. На экране горит строка с его именем: «начальник департамента Уилсон Карвана».

– Этот парень ненавидит военную полицию! А баба молодец, что испоганила его тротуар! – веселится Брандао. Он даже посмеивается, когда камера приближается к крова-

вым следам перед полицейским участком, которые пытаются смыть с тротуара. – Пусть только перейдет мне дорогу! Я покончу с этим старым ублюдком.

Муж откусывает большой кусок пирога. Жанета видит гнев на его лице, когда он неаккуратно жует. Она чувствует всю глубину его ненависти: муж терпеть не может начальника департамента; Брандао пережевывает новости, переваривает их, а затем извергает куда ни попадя.

– Пирог весь крошится, да? Буквально «гнилье», верно? А твой стейк? Подметка! Ты неспособна его приготовить, – выплевывает он. И засовывает в рот еще кусок. Это начало кошмара. Когда муж в таком состоянии, вне зависимости от происходящего, он ненавидит всё и вся. Словно это другой мужчина. Жанета съезживается, смотрит на собственные колени, едва дыша. Со временем она научилась правильно реагировать. Молчать и выжидать. Надо просто подождать.

Ее отстраненность, кажется, еще больше раздражает его. Брандао безостановочно ворчит и ругается, разбрасывая повсюду крошки. Неожиданно он вскакивает из-за стола, надевает форму, берет кобуру и пистолет, насвистывая зловещую песню, которую она ненавидит – и он об этом знает: «Колыбельная для Элен» Шикю Буарки¹³.

Брандао обладает исключительным талантом: все, к чему он прикасается, превращается в гниль. Едва Жанета слышит первые ноты, как ей хочется плакать. Она прикидывает,

¹³ Шикю Буарки (1944 г.) – известный бразильский певец и автор песен.

сколько минут осталось до начала смены мужа. Мало, очень мало. Скоро ночь будет принадлежать только ей. Но Жанета должна быть сильной.

Кажется, он подслушивает ее мысли, ощущает тщетные попытки сдержаться и не способен смириться с тем, что Жанета устойчива к его яду. Прежде чем уйти, нужно разрушить ее, разбить на части, оставить собирать осколки собственного достоинства по ковру. Брандао останавливается у порога и, завязывая шнурки, беззаботно произносит:

– Пора найти новую горничную, а, пташка?

Жанета застывает. Она боится вздохнуть. Тьма возвращается, крики возвращаются. Слезы текут по ее лицу против воли.

– Брандао, пожалуйста, не заставляй меня делать это снова, умоляю тебя.

– Мы уже этим занимались и будем заниматься. Мы с тобой – одна команда.

Он подходит, склоняется над столом и слизывает ее слезы, одну за другой, словно облизывает шоколадное мороженое. Жанету передергивает от отвращения. Она не хочет смотреть в его глаза, но это неизбежно. В эти красивые зеленые глаза, в которых она видит только садистское удовольствие. Она знает, что не должна проявлять непослушание, но не может с собой справиться, она должна задать вопрос.

– Брандао, что случилось с последней? Ради Пресвятой Богородицы, я не могу этого вынести! Расскажи, что случи-

лось с последней девушкой.

Его рот расплывается в победной улыбке. Он хотел, чтобы она спросила. Это его способ заставить ее чувствовать себя неполноценной, бессильной. Брандао чеканит слова низким и убийственным тоном:

– Это не твое дело.

– Прошу тебя!

Он отвешивает ей пощечину. Сухой звук шлепка исчезает в звуках титров: начинается мыльная опера с живой музыкой и танцующими фигурами. Жанета чувствует, как горит правая щека, знает, что кожа покраснела, и винит себя за то, что она такая идиотка. Ей не следовало ничего спрашивать.

– Завтра у нас будет новая горничная, – заявляет он, подойдя к двери. – Я собираюсь уйти пораньше, и мы устроим вечеринку! Готовься, птишка!

* * *

Жанета взволнованно ходит по комнате. Она переключает каналы в поисках новостей о женщине, выпавшей из окна здания полицейского управления. В новостях не упоминалось подробностей, кое-кто даже трактует это событие как несчастный случай, но она-то знает: это было самоубийство. Вбить ключевые слова в Гугл и найти видео дневной программы, посвященной этому событию. Ведущий утрирует, гримасничает и звонит репортеру, который берет интервью

у того начальника полиции, который ненавидит военных полицейских. Ах, если б он только знал то, что известно ей...

Жанета берет журнал с кроссвордами и, выбрав чистый лист, записывает имя: Уилсон Карвана. Когда она пишет, ее охватывает искра мужества, желание отличиться от той, какая она есть на самом деле, но Жанета знает, что не должна. Если бы она только поговорила с начальником полиции, то, возможно, почувствовала бы себя более уверенно. Трудно делиться интимными подробностями с тем, кого едва знаешь. Лучше не стоит.

Она сдается, но все еще стоит перед компьютером. А потом опять пересматривает видео. Жанета обращает внимание на женщину-полицейского, которая занята на месте преступления. Снова концентрируется на ней. По другой ссылке она смотрит новый репортаж. Здесь женщина-полицейский тоже появляется и даже дает интервью, ее имя написано ниже: Вероника Торрес. Что-то в ее взволнованном тоне говорит Жанете, что Вероника – хорошая женщина. Она всегда считала, что способна определять характер людей, просто взглянув на них. Она совершила большую ошибку с Брандао, но больше так не ошибется.

Жанету охватывает радость, когда, введя «Вероника Торрес» в поисковик, она находит ее номер телефона в департаменте полиции. Стереть историю, выпить стакан воды, сесть в кресло, выключить телевизор. Снять телефонную трубку домашнего телефона, поколебаться. Быстро набрать номер,

прежде чем поддаться неуверенности. Один гудок, второй, женский голос.

– Отдел убийств, добрый вечер. Алло? Алло?

Ей хочется плакать. Слишком давно она не слышала чужого голоса, кроме как по телевизору. Последним человеком был... Последней была девушка с золотистой кожей. Жанета не хочет о ней думать. Это страшит ее. Надо сделать глубокий вдох и рискнуть:

– Донья Вероника?

– Нет, офицер Вероника уже ушла. Могу я вам помочь?

Разочарование сокрушает Жанету. Она вешает трубку, уверенная, что сходит с ума. Быстро звонит в пекарню и мясную лавку, пока звонок не исчезнет из реестра. После идет в свою комнату, глотает две таблетки, торопливо произносит «Отче наш» и забирается в постель, пытаясь закрыть глаза. Ей не хватает смелости. Она смотрит в потолок. В спальне включен весь свет. Она боится темноты. Она так пристально смотрит на белые лампочки, что перед глазами мелькают черные точки. У нее кружится голова. Жанета думает о замученных женщинах, криках ужаса и Коробке. Посвистывание Брандао до сих пор эхом раздается в ушах, а навязчивая музыка не дает ей уснуть.

Спи, моя малышка, не стоит просыпаться...

Мысль не выходит из ее головы. Если б у нее было хоть немного жалости к себе, если б она была настоящей женщиной, ей стоило бы подняться на очень высокое здание и по-

ступить так же, как и та, другая. Прыгнуть оттуда без страха. Кто знает, может быть, так она нашла бы покой.

Добравшись до гаража у дома, я подправила макияж у зеркала заднего вида, стараясь замаскировать опухшие от слез глаза. Некрофилия, гной – все, что приходило на ум. Даже такая разбитая, я не могла позволить себе сломаться. Я вошла в дом и увидела Паулу на диване, рядом – полупустая бутылка вина. Он поднялся, уставившись на меня пьяными глазами. Сутулясь, муж подошел ко мне.

– Любовь моя, – проговорил он, коснувшись моей руки. Паулу хотел поцеловать меня, но я незаметно отвернулась. Только не в губы.

– Прости за время. День был сумасшедший.

– Я все видел в новостях. Как ты? – встревоженно спросил он. Женщина покончила с собой прямо на моих глазах, и он винил себя за то, как это могло на меня повлиять. Я знала, этот крест мне предстоит нести до конца жизни. Как две татуировки на моих запястьях, теперь уже выцветшие, которые по-прежнему оставались следами отчаянной попытки в 24 года. В этом дерьмовом мире самоубийство не должно быть настолько ужасным.

– Я в порядке, – откликнулась я, отстраняясь от него. Паулу обнял меня сзади и поцеловал в затылок. Закончилось все тем, что он погладил меня по волосам, словно я ребенок. Я не отреагировала, но меня это бесило, сильно бесило. Чем

милее он себя вел, тем больше я должна ему, и это правда. Паулу был типичным идеальным мужем, добытчиком, верным, заботливым. Поскольку я никогда не была идеальной, с этим нелегко смириться.

– А дети?

– Спят, хочешь обсудить это дело?

– Ты же знаешь, что нет.

Из мини-бара в гостиной я налила себе щедрую порцию виски. Паулу снова сел на диван и уставился на меня, словно пытался истолковать мои движения.

– На мой взгляд, тебе не следует лезть в это дело, – проговорил он наконец. Я едва подняла глаза; чем меньше с ним спорить, тем лучше.

– Мне просто нужно немного поспать, – отозвалась я. Выдавила из себя улыбку и, прежде чем он успел сказать что-нибудь еще, вышла в коридор. В комнате проглотила таблетку «Фронтала», запив ее остатками виски. И попыталась уснуть.

* * *

Еще не открыв глаза, я поняла, что у меня проблемы. Во рту привкус ручки от зонтика, глаза сухие и слезящиеся. Из постели я слышала «бур-бур-бур» завтракающих домочадцев. Я не шевелилась, одолеваемая единственной мыслью: «Дерьмо, покупки! Я совсем забыла!»

Я уже представляла себе весь тот шквал жалоб, с которым предстоит столкнуться, стоит выйти на кухню. Быть матерью и заниматься при этом серьезной работой – миссия для суперорганизованных людей. Я всегда завидовала таким женщинам, со стикерами для каждой вещицы, готовыми списками покупок, пачками счетов к оплате... Мой продуктовый список даже писать не нужно: когда я вспоминала, что чего-то не хватает, дома и рулона туалетной бумаги не оставалось.

Я встала с кровати, ощущая боль в каждой мышце в ногах. Приняла холодный душ, чтобы убедиться, что в самом деле проснулась, за десять минут нанесла макияж и отправилась противостоять толпе родных. Женщина подобна индейцу, рисует себе лицо для битв, с которыми сталкивается ежедневно.

– Наконец-то, Веро! – воскликнул Паулу при виде меня. Рафаэль отщипывал кусочки черствого хлеба, а Лила допивала молоко из стакана.

– Я знаю, я забыла про покупки.

– Обходимся двумя яйцами на четверых, но нет ни масла, ни даже детской «Нутеллы»... Представляешь, как все запущено?

– И тебе доброго утра. – Еще одного раунда мне не выдержать. – Ты можешь сходить на рынок за покупками, Паулу. Это не сделает тебя менее мужественным.

Рафаэль с Лилой посмотрели на меня наивными глазами.

Они не в курсе, что случилось, но понимают: по утрам со мной лучше не связываться.

Дети неловко поцеловали меня и вышли из-за стола, отправившись чистить зубы. Паулу воспользовался возможностью и приблизился:

– Хреново! Мне не стоило наезжать на тебя после вчерашнего.

– Нестрашно.

– Обещай, что не полезешь в дело той женщины, которая выпрыгнула из окна?

– Обещаю, – солгала я, не отводя взгляда. Это было легко, я к этому привыкла. – Надо идти. Ты помнишь, какой сегодня день?

– Ну конечно. Но у тебя и без того голова забита, я думал, ты забудешь. Сколько бы ему исполнилось, твоему отцу? Восемьдесят один?

– Восемьдесят два, – сказала я, целуя его в лоб, рядом с появляющимися залысинами. – Я зайду на кладбище, чтобы оставить цветы, прежде чем ехать в полицейский участок.

– Держись.

– Постараюсь.

Я хлопнула дверью, а в лифте все думала о той лжи, которую наговорила мужу за несколько минут. На мгновение мне стало не по себе, но потом я отмахнулась от этих мыслей. Моя привязанность к нему – это правда, и семья, которую мы с ним создали, – тоже правда. Ложь... что ж, ложь слу-

жит только для того, чтобы все оставалось на своих местах.

* * *

Может быть, пора поговорить о том, откуда я выбралась, кто я такая, и обо всех тех вещах, которые стоило прояснить с самого начала, но я избегала их касаться. Удивительно, насколько мы зависимы от прошлого.

Я появилась на свет в обычной семье, единственный ребенок родителей, живущих в субпрефектуре Пиньейрос¹⁴, представителей среднего класса, отец – полицейский, а мать – домохозяйка. Как и почти все в районе, я закончила государственную школу имени Фернана Диаса Пайса¹⁵, которая славилась традиционным подходом, качеством образования и строгостью. Я получила превосходное образование. Я всегда очень хорошо писала, потому, естественно, поступила на факультет искусств Университета Сан-Паулу. Яблочко от яблони недалеко падает, и, получив диплом, в возрасте 22 лет я приняла участие в публичном конкурсе на должность служащего полиции. Согласно моей логике, так я могла прикоснуться к тысяче историй и написать десятки книг. И кто знает, может быть, даже стать известным писателем. Я чистый

¹⁴ Субпрефектура Пиньейрос – одна из 31 субпрефектуры города Сан-Паулу, которая располагается в западной части города.

¹⁵ Фернан Диас Пайс (1608–1681) – известный как «охотник за изумрудами», один из самых известных бандейрантов – первопроходцев в Бразилии.

Лев, люблю, когда мною восхищаются и хвалят. И мечтаю по-крупному.

Моя жизнь не была идеальной, но могу сказать, что я была счастлива жить с героическим отцом и чересчур заботливой мамой; мне нравилось незатейливое существование среди бородатых парней и коммунистических идей. А потом произошло это.

Стоял теплый январский вторник, я была в отпуске, а через неделю мы с родителями улетали в Майами. В шесть утра, когда я все еще лениво валялась в постели, раздался стук в дверь: «Бум, бум, бум, бум, бум!» В испуге я вскочила на ноги. Приоткрыла дверь спальни, чтобы взглянуть, что происходит; мой отец уже стоял у входной двери в одном нижнем белье и вглядывался в глазок.

– Чем могу помочь? – Хоть он и выглядел сонным, но заметно нервничал.

– Инспектор Жулио Торрес? – прозвучал голос с той стороны двери. – Это инспектор Такаширо из департамента внутренних дел гражданской полиции Сан-Паулу. Я уполномочен провести служебное расследование. У меня есть ордер на обыск и задержание. Откройте дверь.

Отец набычился и симитировал усталость в голосе:

– Не могли бы вы дать мне пару минут, чтобы одеться? Я спал.

– Три минуты.

Отец подошел к моей комнате. Я подбежала к кровати и

заползла под одеяло. Когда он приблизился, на мои глаза навернулись слезы. Отец сел на кровать и обхватил мою голову.

– Пап, что происходит?

– Успокойся, цветочек. – Он звал меня цветочком, хотя я уже была не малышкой. – Все будет хорошо. Это обычная процедура. Запри дверь и жди моего звонка.

– Ты говоришь со мной, как с ребенком, – твердо проговорила я. – Тебя собираются арестовать?

Впервые в жизни я ощутила неуверенность. Мой отец, основа моей жизни, рушился, и я рушилась вместе с ним.

– Просто послушай меня, Вероника. Пожалуйста.

Он отвернулся и молниеносно вышел из комнаты. Минуты шли. Я заперла дверь, но вновь приоткрыла ее, наблюдая за происходящим через щелку. Я видела, как он собирает какие-то бумаги со стола в своей комнате, включает измельчитель, разговаривает с мамой. Ничего толком не было слышно, как я ни напрягала слух. Он что-то сказал, она возразила. Мне пришлось выбрать: подслушивать или подсматривать. Я предпочла смотреть.

«Бум, бум, бум, бум, бум!» В дверь снова стучали.

Отец порывлся в ящике, достал пистолет и снял его с предохранителя. В отчаянии мама бросилась вперед, не позволяя ему направить ствол себе в голову. Я отступила, я была трусихой. По сей день виню себя за это. Заткнув уши, я нырнула под кровать и крепко зажмурилась. Кажется, я обмочилась, услышав первый выстрел, не помню. То, что про-

изошло дальше, до сих пор сбивает меня с толку. Сначала пронеслись быстрые вспышки, и я до сих пор не знаю, произошло ли это в действительности или я это придумала.

Я знаю, полиция сразу же ворвалась в дом при звуках выстрела, а потом раздались крики и хлопки, будто у нас дома разразилась война. Это длилось всего минуту, может, две. Затем – мертвая тишина.

Не знаю, сколько времени прошло до того, как ко мне приблизилась светловолосая женщина-полицейский с мягким голосом. Она протянула руку, пытаясь коснуться меня.

– Идем, тебе не нужно этого видеть, – произнесла она. Женщина прикрыла мое лицо, вытаскивая меня из-под кровати. Все куда-то бежали, полицейские нервничали, сирена «Скорой помощи» приближалась, меня кто-то осматривал, в то время как санитары мчались с носилками, и все отступали в сторону. Я пыталась подсматривать краем глаза, не смея задавать вопросов.

Уже вечером, когда я одна вернулась домой, мою фамилию писали во всех газетах страны. Трагедия в Сан-Паулу. Жулио Торрес, инспектор департамента по борьбе с наркотиками, в отношении которого ведется следствие по делу о коррупции в ходе операции «Орел или решка», отреагировал на арест попыткой самоубийства. Полицейские ворвались в дом и, увидев, что он держит пистолет, выстрелили. Моя мать умерла мгновенно, защищая мужчину, которого любила. Отец выжил, его доставили в реанимацию в тяже-

лом состоянии.

Всю неделю в прессе обсасывали миллионную схему «гнилой банды» полиции Сан-Паулу: полицейские из управления по борьбе с наркотиками конфисковали огромные партии кокаина, сотни килограммов, и часть оставили себе для продажи. В схеме были задействованы криминалисты, которые указали меньшее количество наркотика в отчетах об изъятиях; таким образом, никто ничего не заподозрил.

Это была идеальная схема, управление внутренних дел расследовало ее несколько месяцев вплоть до рокового вторника, когда всех арестовали. В тот день я лишилась своего мира, и не осталось никого, кто мог бы его удержать. Я медленно вошла в комнату родителей. Измученная и беспомощная, я лежала на их кровати, не обращая внимания на кровь, которая все еще была там.

Я опустилась на колени у тонкой линии, обозначающей местонахождение унесенных тел, и провела пальцами по тому, что выглядело как силуэт фигуры. Помчалась на кухню, сгребла все чистящие средства в ведро и с отчаянным рвением принялась за уборку. Отмыла полы, стены, сорвала постельное белье, но с пролитой кровью ничто не могло справиться. Черт, неужели никто не изобрел фирму, которая бы убирала место преступления, чтобы родственникам не пришлось на него смотреть? Я выбрала самый острый из кухонных ножей, залезла в ванну, наполненную теплой водой, и поступила так, как в фильмах. Я засыпала, не чувствуя боли.

Очнулась я позже, в окружении больничной аппаратуры. Вскоре до меня дошло, что умереть не получилось. Рядом с больничной койкой стоял начальник департамента Карвана. Он представился старым другом отца и сделал мне предложение. Я его приняла. У меня не было другого выхода.

Два дня спустя газеты сообщили о смерти инспектора Жулио Торреса. Похороны прошли просто, без поминок, и при виде того, как гроб опускают и засыпают землей, я наконец осознала, что человек, которым я восхищалась больше всего на свете, уже не вернется.

Когда год спустя в моей жизни появился Паулу, я уже стала Вероникой Торрес, сиротой, секретарем инспектора Карваны, и дело было сделано. Он не знал, чем я занимаюсь строго раз в месяц, под предлогом небольшой вечеринки с коллегами, встречи с дерматологом или внезапного расследования, о котором стало известно в последнюю минуту. Я припарковала машину перед очень ветхим домом, выкрашенным в голубой цвет. Уже с тротуара ощущались запахи пресной еды, хлорки и старческих подгузников. По прошествии стольких лет девушка на стойке регистрации должна была запомнить меня, но каждый раз она не подавала виду, что узнала меня. Потому, подойдя к маленькому окошку в приемной дома престарелых, я представилась:

– Я дочь доктора Жулио. Я хотела бы навестить отца.

Это место угнетало меня. Для отца я выбрала лучший дом престарелых в Сан-Паулу, но ежемесячная оплата выливалась в небольшое состояние, на которое можно содержать маленькую страну. Когда отец вышел из комы, врачи сказали, что он перенес инсульт, последствиями которого стали тяжелые психическое и двигательное расстройства. По сути, его мозг поджарился. С тех пор он застрял в инвалидном кресле, выглядел грустным идиотом, пускал слюни, не издавал ни звука. Медсестры обслуживали его, кормили с ложечки и следили за приемом лекарств, хотя ничего из этого не имело ни малейшего значения.

В первые несколько лет в управлении внутренних дел надеялись, что он выздоровеет и поможет навсегда разоблачить коррупционную схему, будучи включенным в программу защиты свидетелей, получив новую личность и рассказав все ему известное. Они согласились официально заявить о его смерти, чтобы он находился под защитой, пока выздоравливает. Карвана обеспечил меня должностью секретаря и удостоверялся, что я буду держать язык за зубами.

— Для меня отец мертв, — поклялась я тогда. Но перевернуть страницу оказалось непросто. И вот я снова... Я прошла по коридорам к его комнате. Я всегда чувствовала комок в горле, видя, во что он превратился. Я помнила своего

отца, высокого, сильного, который отрывал меня от земли, обнимая, давал мне советы, как поступать по справедливости, когда я получила работу в гражданской полиции. Хрупкая, сморщенная фигурка, стекающая по подбородку слюна, одежда, усыпанная хлебными крошками, – это зрелище меня уничтожало. Когда отец меня видел, он реагировал, как администратор дома престарелых, – безразлично. Он понятия не имел, кто я такая.

Комната была по-спартански простой, никакой роскоши, зато чистой. Неизбежный запах супа пропитал мебель. На комодѣ стоял старый телевизор, который отец не смотрел. По словам врачей, гарантий, что он придет в сознание, не было никаких. Скорее всего, он так и останется ничего не понимающим, ничего не говорящим, настолько же живым, как фокус у двери.

– С днем рождения, пап, – сказала я, целуя его в лысину. Никаких подарков, конечно, не было. Чего мог желать старик в вегетативном состоянии? Я поставила складной стул напротив него и уставилась в его пустые глаза, пытаюсь найти хоть какой-то признак разума. Ничего. И так было всегда, но я не могла не попытаться.

В определенном смысле этот удар был благословением, все верно. Отец всегда хранил множество секретов. «Ты действительно продался или тебя подставили? – хотелось мне спросить. – Почему ты так отреагировал на арест? Ты чувствуешь себя виноватым в смерти мамы?» В ответ – лишь

тишина и эти пустые глаза.

Скрестив ноги, я приняла более удобную позу. Опустила голову, закрыла глаза, чтобы, как в кино, видеть последовательность событий, и рассказала ему невероятную историю Марты Кампос. Мне нравились эти моменты, я любила говорить, не фильтруя свою речь, без необходимости лгать. Это более чем безопасно, ничто из сказанного не выйдет за пределы комнаты. Иногда мне казалось, что я вижу намек на улыбку на его лице или одобрение во взгляде, но я знала – это просто иллюзия.

Минут пятнадцать я проклинала Карвану, проклинала всю систему. Бедная Марта Кампос. Как все может быть таким жалким? Как могут оставаться не при делах эти люди со значками, которые не хотят иметь ничего общего со своей работой? В Бразилии с полицией обращаются как с грязью. Закрой глаза, продайся или умри. Я устала от встреч с полицейскими, которые прячут свои значки, чтобы их не убили по дороге домой, инспекторами, которые сушат свою форму за холодильником, чтобы никто ее не увидел, гражданскими, скрывающими удостоверение личности, чтобы не застрелили во время ограбления. Мне не хотелось стыдиться того, кем я была.

В полицейском участке, заполняя отчеты и планируя для Карваны встречи, я чувствовала себя мертвой. Рассказав все отцу, я ощутила приток энергии и поняла: что-то изменилось. Я сильна, непобедима. Я поднялась и поцеловала его

лысину:

– Думаешь, я должна отправиться в ад, чтобы поймать парня, который сотворил это с Мартой Кампос, правда?

Молчание – знак согласия.

* * *

По опыту я знала, что день после трагедии так же плох, как и день самой трагедии. В полицейском участке царил хаос. Стоило приехать, как меня начало раздражать, что Карвана, окруженный микрофонами, давал интервью всем, кто только просил. Разве это не стоило отложить? Старик просто понял, что смерть Марты может иметь последствия, и теперь гордо расхаживал по участку. Тщеславие – это настоящий ужас. Стоило Карване открыть холодильник, включался свет, и он уже начинал толкать речь.

У входа я пригнула голову и сумела пройти незамеченной. Сразу же направилась в комнату вещдоков, чтобы вернуть вещи Марты. У меня было много дел. На моем столе лежала куча незаконченных отчетов, и маячила бюрократическая волокита, которой нужно постоянно заниматься. Я придерживалась принципа бразильской государственной службы: зачем делать сегодня то, чем можно заняться завтра?

После обычных «с добрым утром», когда мой доисторический компьютер загрузился, я просматривала сайт знакомств, на котором был размещен профиль Марты. Идея об-

щаться с кем-то через интернет всегда казалась мне немного безумной: все равно что играть в лотерею, думая, будто выиграешь. Никогда в это не верила.

В любом случае поразительное количество моих подруг-одиночек заходят на эти сайты или выкладывают фото в Тиндер в поисках прекрасного принца. Бедолаги. До многих уже дошло, что прекрасные принцы остались в прошлом, и они просто хотели найти друга. По крайней мере, в таких случаях отношения более справедливы.

Веб-сайт AmorIdeal.com был оформлен безвкусно: маленькие разноцветные сердечки, паршивая музыка в фоновом режиме. В центре – несколько фотографий идеальных пользователей и заманчивое приглашение: «Хочешь найти свою идеальную половинку? Жми сюда». Марта кликнула и встретила @estudantelegal88. Я тоже кликнула.

В анкете регистрации было полно вопросов, попыток определить тип личности и особенности характера пользователя. Мне нужно было придумать хорошую приманку, создать такую жертву, которая заинтересовала бы @estudantelegal88, или как бы он себя сейчас ни называл. Это должен быть образ женщины образованной, обеспеченной, но одинокой и эмоционально нестабильной.

Псевдоним: @moçaaraixonada¹⁶. Думаю, звучит неплохо. Сайт рекомендовал при заполнении указать настоящее имя. «Вы же не хотите начинать отношения со лжи, правда?» Я

¹⁶ Моça арайхонада – страстная девушка (*порт.*).

написала «Веру». Другое имя, но достаточно похоже на мое, чтобы не запутаться. Фамилия: «Тостес».

Перед началом виртуальных поисков у меня попросили вступительную фразу, которая появится рядом с фото. Какая фраза будет цепляющей, но не слишком пафосной? Винисиус? Чересчур меланхолично. Борхес? Слишком интеллектуально. Сартр и Ницше? Утомительно. Шикун? Расплывчато. Знаю! Подушка Марты Кампос, как она выглядела? Эми! Love is a losing game¹⁷. Бинго!

Католичка, владеет английским, некурящая, иногда выпивает... Я создала Веру-консерваторшу, совершенно отличающуюся от той Вероники, которой являюсь. Образ жизни: высший класс, но без излишеств. Кухня: итальянская, французская, домашняя. Идеальный отдых: посещение известных достопримечательностей. Любимые книги? Размышляя, я просмотрела фотографии книжной полки из дома Марты. «Доктор Живаго», «Миссис Дэллоуэй»¹⁸ и «Гордость и предубеждение».

Погруженная в создание идеальной женщины – жертвы обмана, я вздрогнула, когда на столе зазвонил телефон.

– Алло? – Тишина. Я повесила трубку и вернулась к заполнению анкеты. Любимые фильмы? Возвращаемся к снимкам, сделанным в доме: «Мосты округа Мэдисон», «Два сына Франсишко», «Пятьдесят оттенков серого», «Доро-

¹⁷ Любовь – жестокая игра (из песни Эми Уайнхаус).

¹⁸ «Миссис Дэллоуэй» – роман Вирджинии Вульф, написанный в 1925 г.

гой Джон». Все, этого достаточно. Любимые телешоу: «Голос Бразилии», «Шеф-повар», шестичасовая мыльная опера, женские программы на GNT. Я с легкостью наверстаю упущенное, поскольку не смотрела ничего из этого. В те несколько часов, когда я позволяла себе расслабиться, смотрела Нетфликс. Марта Кампос не похожа на женщин, смотрящих Нетфликс. Как и моя Веру.

И опять телефон. Я ответила – тишина. Ни слова. Мне стало интересно. Телефон на моем столе редко подает голос, ведь в наши дни все пользуются мобильниками. А сегодня он звонил дважды? В полицейском участке хватает приколистам, пытающихся устроить розыгрыш. Сборище мудаков.

Кстати, о мудаках. Карвана вернулся в кабинет – мое спокойствие закончилось. И пятнадцати минут не проходило без того, чтобы старик меня не дергал: то чашку кофе попросит, то идеи для интервью, которое он собирался дать репортеру. Войдя к нему, я убедилась: телевизор, разумеется, включен. Карвана не преминул полюбоваться на самого себя, дающего интервью. *Позаботимся о жертве, займемся расследованием, даже не думайте!* Говорить так, словно он сделал все возможное? О, конечно, это про него! Тем он и занимался. В перерывах я заполняла анкету. Раздел под заголовком «точка зрения» был огромным, казалось, он никогда не закончится. Честно говоря, неужели нет более простого способа найти парня? Когда крестный путь подошел к концу, появился анализ личности. Уравновешенная, со склон-

ностью к рациональности. Стремление к новшествам – от среднего до высокого. Умею ценить комфорт в обыденности. Достаточно убедительно, чтобы привлечь ублюдка.

Фото профиля не установлено. Я пыталась выложить два, на которых я в странном ракурсе – не сразу узнаешь. Спустя несколько минут – не одобрено: аватарка должна быть четкой, анфас. Дерьмо... Если меня кто-то увидит на сайте знакомств, мне конец.

Подошла Сюзана, ночная дежурная и самая большая сплетница в полицейском участке. Я быстро закрыла страничку, но она заметила мое беспокойство и нежно погладила меня по спине:

– Вчера утром я ответила на звонок вашего телефона. Это была женщина, она нервничала. Она перезванивала?

Я сразу подумала о немых телефонных звонках. Ответила «нет», поблагодарила за сообщение и набрала внутренний номер Нельсона, местного задрота. Попросила его пробить идентификатор абонента по центральному коммутатору – с одного и того же номера поступали звонки или нет.

– Черт, Веро, ты и сама это умеешь...

– Я в курсе, кретин души моей, но я хочу, чтобы ты выяснил, кому принадлежит номер. И если получится, адрес тоже.

– Похоже на злоупотребление, да?

– Даю слово, причина уважительна.

– Брошу на твой стол.

Как только он согласился взвалить на себя этот груз, я вернулась к просмотру фотографий. Выбрала старую, пятилетней давности, когда была стройнее и носила короткие волосы, окрашенные в блонд. Применила базовое размытие, чтобы снизить резкость. Но даже при этом я должна по-настоящему свихнуться, чтобы выложить снимок в интернет. Никаких сомнений, Паулу меня бы узнал. К черту, если муж когда-нибудь узнает об этом, ему придется понять. Нажав на Enter, я вошла в цифровой мир флирта.

Нельсон появился через полчаса с бумагой в руке, что было хорошим знаком. Да, звонили с одного и того же номера.

– Что насчет другой информации? – спросила я, казалось, всем телом.

– Веро, ты же знаешь, у тебя могут возникнуть проблемы... – он пытался оценить мой посыл, это было заметно.

– Никаких проблем, ты же мне поможешь? – Я поднялась и приблизила свои губы к его уху. – Ты не пожалеешь.

Я увидела, как волосы на его затылке встали дыбом, и порадовалась, что все еще способна оказывать на него такое воздействие. Люди, глядя на этого ботаника, даже не представляли, насколько он безудержен в постели. Тощий, странненький, но феноменальный самец. Я прошла с ним к столу, вроде как помочь. Стояла сзади, наблюдая, как он копается в данных, применяя трюки, о которых я даже не догадывалась. На этой планете никто не в безопасности. Если не хотите, чтобы вас взломали, единственный способ – не иметь ни те-

лефона, ни компьютера. Если они у вас есть, то все, конец.

Время от времени Нельсон прерывался и смотрел вверх, прижимаясь головой к моему животу. Я улыбалась и просила его продолжать, но в этой шальной улыбке читался вопрос: что именно продолжать? Это не заняло много времени, вот и все: номер домашнего телефона, зарегистрированный на имя Клаудио Антунеса Брандао. Нельсон сказал, ему понадобится еще немного времени, чтобы получить адрес. Я воспользовалась этой возможностью, чтобы вернуться к себе и сделать звонок. Ответила женщина:

– Алло?

– Здравствуйте, это Вероника Торрес, я из полиции. Как ваше имя?

– Жанета.

– Хорошо, Жанета. Вы звонили мне...

Она вздохнула и прервала меня:

– Я думаю, мой муж собирается убить меня.

Ее голос был ровным и странно спокойным.

– Зачем ему это?

– Он любит убивать женщин.

– Он убивал других?

– Да, многих.

– Убивал женщин?

– Извините, мне нужно идти, – и она повесила трубку.

Жанета уже несколько часов сидит в кресле в гостиной, потеряв счет времени. *Словно мир существует только в твоей голове.* В окне сгущаются сумерки. На небе темные тучи, в Сан-Паулу будет сильный дождь. Это ее пугает. Капли дождя на крыше напоминают о Коробке, о темноте. К тому же Жанета знает, что приближается ночь, и скоро Брандао вернется с дежурства, как всегда нетерпеливый.

Она замирает, только сплетает пальцы, словно, если замереть, то можно замедлить ход времени. Воздух с трудом поступает в легкие. Она считает до пяти, делает вдох, до пяти, выдох – детская попытка успокоить беспокойный ум. *Попробуй заглянуть в закоулки памяти, вспомнить, как все начиналось.*

Встретив Брандао, она безумно захотела его. Раньше у нее никогда не было оргазма, хотя некоторые парни и старались изо всех сил. Но с ним она напрочь потеряла голову. Она вспыхнула и отдалась ему целиком. Жанета жаждала каждой новой встречи, ее мыслями завладели фантазии. А Брандао, сводя ее с ума, вынуждал ждать, умолять о большем. Отношения становились все более пламенными, и он начал приносить то, что называл «маленькими игрушками» – оживляя отношения, показывая ей мир похоти, заставляя понять истинное значение слова «грех».

Жанета была готова на все, кроме того, чтобы потерять мужа. Он постоянно искал что-то новенькое, разумно объяснял каждый шаг, всегда находя убедительные доводы в пользу своих странных фантазий. Она приняла свое желание, смирилась. Но рассказать никому не могла – подумали бы, что она слишком развратна. А возможно, так и было. Вне постели она изо всех сил ненавидела Брандао, но при первом же страстном соитии забывала обо всем. Она знала – это рай и ад. Возбуждение никогда не утихало. Оно было отчаянным, не поддающимся контролю, а что хуже всего, *он* знал, какую власть имеет над нею.

Сексуальные игры разрастались по безумной спирали, принимая такие масштабы, которых Жанета не желала, но остановить не могла. По прошествии стольких лет она знала: она сообщница преступника, молчаливая носительница зла, которое повторяется все чаще и чаще. Она существует от испуга к испугу, но не может ничего предотвратить. Испытывает стыд, умирает от чувства вины, обдумывает каждое слово, которое собирается сказать, и... принимает. Повинуется. Плачет, отчаивается. И не сопротивляется – она не может его потерять, не может просто сбежать и бросить его. Он отыщет ее на краю земли. Его невозможно предать. Страх, смешанный со страстью. Страх за себя саму велик. Боже мой, если однажды он сделает с ней то, что, в своих фантазиях, делает с другими...

Жанета на пределе. Ее отец всегда говорил: «Мы терпим,

терпим до тех пор, пока терпению не приходит конец». Но она не собирается делать глупости, нет, она устала совершать неверные шаги, внезапные, импульсивные поступки. Она уже заплатила высокую цену. Жанета столько размышляла о самоубийстве... И история Марты Кампос стала последней каплей. Ей тоже суждено так закончить? Ну нет. Она не может покончить с собственной жизнью, поэтому она покончит с Брандао.

Но, конечно, она не намерена действовать в одиночку. Не хватит силы духа. Жанете понравилась та женщина-полицейский Вероника. Судя по тому, что та говорила в интервью, кажется, она изо всех сил стремится защитить женщин. По ней видно, что она много пережила, но не потеряла силы духа. Сможет ли она «договориться» с ней, как в кино, или посулить «награду», как бывает в новостях? Или награждают только за разоблачение коррупционных преступлений? Поверят ли Жанете и сохранят ее слова в тайне, или Брандао узнает обо всем еще до того, как она осмелится на первый шаг?

Она уже дважды звонила этой Веронике, но не смогла произнести ни звука, только рыдала, не способная остановиться. В сознании Жанеты на два голоса кричат защита и обвинение: «Нет, я никогда не видела девушек мертвыми. Нет, я больше не встречала их живыми. Нет, я не знала, что он с ними делает. Нет, никогда и пальцем их не трогала. Да, я каждую ночь молилась о прощении и о душах бедняжек. Да,

сожалела. Да, чувствовала себя слабой трусихой. Нет, не собиралась звонить в полицию – никто не поверит, и пострадает значительно больше людей. Да, собиралась набраться смелости и покончить с этим. Нет, больше всего на свете я боялась. Да, я не желала продолжать в том же духе, намеревалась рассказать обо всем, даже если меня арестуют. Запуталась?» И так – часами пульсирует в мозгу, как метроном, стоящий на рояле. Тик, так, тик, так... Да, нет, да, нет...

В этот момент звонит телефон. Она так перепугалась, что спешит ответить на звонок. Произносит бесцветное приветствие едва слышным голосом. На том конце провода женский голос:

– Здравствуйте, это Вероника Торрес, я из полиции. Как вас зовут?

– Жанета.

– Хорошо, Жанета. Вы звонили мне...

Она вздыхает и думает, что сказать. *Ты не можешь сейчас сдать...*

– Я думаю, мой муж собирается меня убить.

– Зачем ему это?

– Ему нравится убивать женщин.

Словно фатум, сама судьба, перед домом раздаётся гудок автомобиля. Жанета вытягивает шею к окну, чтобы убедиться: это он! Слышит, как хлопает железная дверь в подъезде, слышит приближающиеся шаги мужа.

– Он убивал других?

– Многих.

– Убивал женщин?

– Извините, мне нужно идти.

Она едва не описалась. Если Брандао узнает, у нее нет шансов. Вешает трубку на рычаги, натягивает улыбку на лицо и подходит к двери, чтобы встретить его. Расправляет платье, пытаясь скрыть бешеный стук сердца, выровнять дыхание. Что она рассказала полицейской? Пути назад нет. Она целует мужа в холодную щеку и идет на кухню, стараясь вести себя, как обычно. Кто знает, может, он все забыл, она накроет стол к ужину, они посмотрят телевизор...

– Что случилось, пташка, ты еще не готова? Мы пропустим нужный автобус! – слышит Жанета голос мужа, повернувшись к нему спиной.

– Не хочешь оставить это на завтра? Похоже, дождь собирается! Автобусы ходят каждый день...

– Хватит болтать! Заткнись и переоденься!

Вздрогнув, она подчиняется. *Давай, Жанета, давай*, говорит она себе. *Нельзя сейчас расслабляться. Осторожно, он не должен ничего заметить! Держись, еще немного...*

Она садится в машину, как обычно. Сквозь лобовое стекло видит всполох молнии и слышит громовые раскаты. Это предвестник его гибели.

Она закрывает глаза, стискивает ладони, ей хочется молиться, но она не молится. Ни один святой не простит ей того, что она делает в такие ночи.

Когда они прибывают на автовокзал Тиете, уже идет сильный дождь. Это место кажется другим миром: толпы народа, хаос, ужасный запах мочи, детский плач, очереди перед каждым автобусом, служащие, одни запикивающие чемоданы в боковые отсеки, другие вытаскивающие бесчисленные сумки приезжающих. Она всегда задавалась вопросом: почему бы людям не приобрести один большой чемодан вместо десятка сумок? Поди-ка пойми.

Она проходит сквозь толпу по дороге, которую знает как свои пять пальцев, урок, выученный первым делом, давным-давно, и не забытый. Вскоре Жанета видит нужный автобус. Наметанным глазом находит интересующий Брандао тип девушки: брюнетка, в простой одежде, с огромным чемоданом в руке. Выжидает несколько минут, чтобы убедиться, что девушка приехала одна и никто ее не встречает. Жанета подходит к худощавой девице, но появляется женщина, похожая на мать, и обнимает девушку. Черт! Не подойдет...

Жанета начинает переживать. Обычно это не так сложно. В общем-то всегда кто-то подходящий по типуажу выходит из автобуса. Эти девицы толпами приезжают с севера и северо-востока страны в поисках работы в большом городе. Ей даже представлять не хочется, как отреагирует Брандао, если она не справится.

Наконец из автобуса выходит еще одна девушка. У нее испуганные глаза, и видно, что она захвачена величиим Сан-Паулу. Жанета ждет, пока та придет в себя, и подходит, улы-

баясь:

– Привет, как вас зовут? Меня – Глория...

Девушка улыбается в ответ, немного смущенно и неуверенно. Неопределенно взмахнув рукой, говорит:

– Деусамар, можно просто Деуса.

– Ну что, Деуса, у вас уже есть работа? Я ищу кого-нибудь к себе домой, домработницей. Мне говорили, что здесь, на автовокзале, самый надежный вариант.

Деуса не верит в свою удачу. Из-за этого ливня она до смерти перепугалась, что не попадет в пансион, который ей посоветовали; она никогда не видела столько людей в одном месте, понятия не имеет, на какие деньги собирается есть на следующей неделе, а тут... предложение о работе! Ее святой покровитель слишком милостив!

Она берет себя в руки, напоминая слова священника: Сан-Паулу – опасное место, все может пойти не так. Осматривает женщину с ног до головы, но она такая милая... Брюнетка, худенькая, похожа на веточку, тихо говорит, мило улыбается, не говоря уже о ясном взгляде. Девушка сглатывает – во рту пересохло от тревоги, но спрашивает:

– Что нужно делать? Я не слишком хорошо готовлю, только самое простое. Зато отлично убираюсь.

– Деуса, я в той же ситуации, что и вы. Я вас не знаю, но стоит взглянуть человеку в глаза – и сердцем чувствуешь, хороший ли он, – говорит Жанета. Это отрепетированный текст, который всегда срабатывает. – Вы мне сразу понравились,

едва я увидела, как вы выходите из автобуса, забираете сумки – так решительно и уверенно, понимаете? В конце концов, приехало так много других девушек, но я выбрала вас...

– Согласна, – решительно отвечает Деуса. – Покажете, куда идти?

– Разумеется.

Жанета идет впереди, Деусамар – за ней, Жанета подхватывает одну из сумок у девушки. Они вместе проходят переполненную остановку автобусов, где множество людей с зонтиками ждут, когда их развезут по домам, и направляются к пустынному месту, где припаркована черная «Корса». Жанета рассказывает о зарплате, объясняет, что в доме немного дел, что она замужем, но детей у нее нет – обычная болтовня. Затем представляет своего мужа, который ждет в машине в форме военной полиции. Жанета замечает, как успокаивается Деуса, видя «служителя закона», ее скручивает от чувства вины, но она не решается изменить ход трагедии. Брандао улыбается девушке, одобряя выбор жены, и протягивает руку в приветственном жесте.

– Усаживайся, любовь моя, – предлагает он Жанете, направляясь с Деусой к багажнику, чтобы та могла сложить свои вещи. Жанета быстро садится на пассажирское сиденье и открывает бардачок. Она знает, что будет дальше. Надевает маску для сна, чтобы ничего не видеть. Зажимает уши ладонями, пытаясь заглушить любой звук, но капли дождя бьют по крыше автомобиля, словно кто-то забивает гвозди

прямо в ее мозгу. В темноте она слышит, как девушка склоняется над багажником, как благодарит за то, что ей предложили работу. Слышит шум удара, короткий стон и щелчок закрывшегося багажника. Остаются только ужасающая тишина и проливной дождь. Жанете хочется плакать, но она не позволяет себе этого. Это тоже ее вина.

Едва Жанета повесила трубку, к моему столу подошел игриво настроенный Нельсон с листком бумаги, зажатым между губ. Мне было не до шуток. Резким жестом выхватив записку, я прочла адрес. Дом располагался в Парк-ду-Карму, в восточной части города.

– Что за мина, Веро? – спросил Нельсон, но я не удосужилась ответить. Выключила компьютер, оставила Карване сообщение о чрезвычайной ситуации. Сложила в сумку вещи, в том числе и автоматический пистолет. Нельсон стоял и чего-то ждал:

– Ты даже поблагодарить не собираешься?

– Ты гений.

– Сексуальный?

– Да, сексуальный гений, – согласилась я, помогая его это достичь новых горизонтов роста. Чмокнула его в шею: – Компенсирую позднее, – и поспешила уйти.

В двадцатиэтажном здании ДРУ с более чем тысячей сотрудников лифта можно ждать часами, и он все равно не остановится, потому что будет переполнен. Я ждать не могла, а потому спустилась по лестнице. Когда я садилась в машину, лило как из ведра. В Сан-Паулу морозящий дождь едва промочит землю, но если капли чуть крупнее – это все! Неразбериха, везде пробки, молишься на каждый сиг-

нал светофора. Хуже того, я почти ничего не знала о восточной части города. В общем, с Waze я чувствовала себя уверенно, но этот разгул стихии показал пределы приложения. Навигатор перестал показывать дорогу, появился значок «поиск сети», и мне захотелось умереть. Я продолжала следовать в восточном направлении, веря, что скоро все вернется в норму. Выехала на проспект Арикандува в сопровождении радио, где дикторы ежеминутно объявляли о все новых точках затопления по всему городу. В эти моменты меня злило то, что я – жительница Сан-Паулу. Мозги работали без остановки. Что имела в виду Жанета своей фразой? *Думаю, мой муж собирается меня убить...* Серьезно? И она спокойна? Она говорила, что он убивает женщин? Как она это выяснила?

Всегда проявляй подозрительность, Веро, сказал бы мой отец. Я никогда не принимала на веру истории рыдающих жертв, приходящих в полицейский участок и рассказывающих о том, что кто-то ограбил их машину. Это может быть просто инсценировка, чтобы обмануть страховую компанию.

Но я почему-то верила Жанете. Конечно, не исключено, что она сошла с ума или просто забавляется, желая разыграть полицию. Но, возможно, эта женщина наконец-то набралась смелости, чтобы сдать своего мужа-садиста. Поэтому мне хотелось поскорее добраться до нужного адреса – мне совсем не понравилось, как закончился разговор. А заторы жутко мешали.

Остановившись на перекрестке, я смотрела на людей, бегающих под зонтиками; старик в соседней машине орал какую-то неизвестную песню. В квартирах домов горел свет: целые жизни приходят и уходят, пока я стою здесь, как привилегированный наблюдатель. В детстве мне нравилось проводить время с отцом у окна, наблюдая за соседними домами и их обитателями. Мы беспощадно подсматривали за чужой жизнью, за мужчинами и женщинами, приходящими с работы, за теньями, проскальзывающими мимо, за старушками, суесящимися перед телевизорами, но ничего из этого не имело значения. Мне хватало нескольких секунд наблюдения за незнакомцами, чтобы придумать истории их жизни, их страхи и мечты. Я познавала их глубинные тайны, их души. Дом человека отражает его душу. Как бы выглядел дом убийцы женщин?

Если Жанета говорила правду, вскоре я получу ответ. Возможно, у меня и недостаточно опыта в полицейских расследованиях – такое количество времени, проведенное без дела в роли секретаря, заставляет заржаветь, – но я верю, что все в мире – вопрос энергии. Мое желание раскрыть дело Марты Кампос, поймать мудака, обманувшего ее, настолько велико, что стоило мне набраться смелости и приступить к расследованию одного дела, как тут же появилось другое.

Я стремительно вернулась в реальность, едва поняла, что Waze предлагает проехать через огромные и опасные трущобы Глеба-до-Пессега. Попасть туда, будучи полицейским, –

худший из кошмаров. Я не подчинилась указанию, и стрелка снова двинулась, прокладывая новый маршрут. Я бороздила узкие улочки, лишённые асфальта, элементарных санитарных условий, электричества и бог знает чего ещё. Парк-ду-Карму состоял в основном из жилых домов – похоронная атмосфера зданий-коробок, словно люди были лабораторными мышами. По мере продвижения я добралась до больших домов, старых и ветхих, постройки 1970-х и 1980-х годов, обращая внимание на освещённые и тёмные окна в эту непогоду. Я видела, как в одном доме ругаются две женщины, в другом – мужчина смотрит футбольный матч. Один из этих домов принадлежал предполагаемому убийце. Несомненно, на его двери таблички нет.

Я остановила машину в двух кварталах от точки, указанной в навигаторе. Стянула браслеты и положила их на пассажирское сиденье. Хотя они и были моим талисманом на удачу, они издавали многовато шума. Я вышла из машины, вооружённая только пистолетом и зонтиком. В воздухе пахло грязной помойкой. Влажность в Сан-Паулу проникала в кости. Я прищурилась, пытаясь разглядеть хоть что-то впереди, но это оказалось невозможно. Освещение здесь было паршивым, словно мне проливного дождя недостаточно. Я шла медленно, уворачиваясь от луж и следя за тем, чтобы моя обувь, сегодня на низком каблуке, не увязла в грязи. Только этого не хватало. Я с трудом балансировала, и мне пришлось добраться практически до забора, чтобы рассмот-

реть дом. Он был таким же старым, как и все остальные, с облупившейся бежевой краской, а единственное окно выходило во двор. Обойдя дом, я обнаружила еще два окна с правой стороны, оба не освещенные. Казалось, здесь было пусто. Я прислушалась: не доносятся ли изнутри какие-либо звуки. Разглядеть, что творилось в доме, мне не удалось. Не желая быть застигнутой врасплох, я достала пистолет из сумки, выщелкнула обойму, проверяя патроны, и сняла оружие с предохранителя.

На миг у меня появилось ощущение, будто за мной наблюдают. Вроде бы по занавеске переднего окна скользнула тень, но я быстро отогнала эту мысль. Вероятно, просто показалось. Забор был невысоким, во дворе – ни единого признака собаки. Закатав грязные штанины повыше, я проскользнула во дворик. Выставив зонтик за спиной, я помчалась к входной двери. Сжав пистолет в руке и разворачиваясь всем корпусом, я обошла дом по периметру.

С левой стороны первое окно закрывалось ставнями. Я наклонялась туда-сюда, пытаюсь поймать угол, под которым можно было бы хоть что-то увидеть. Ничего. Добралась до задней двери, которая тоже оказалась запертой. У стены дома красовались идеально гармоничные клумбы. Я вытерла обувь о коврик, чтобы не оставлять следы на полу. Подойдя к последнему окну, я поняла, что мне повезло: ставни были не заперты, только прикрыты.

Я заглянула внутрь: мне удалось рассмотреть гостиную,

хоть и было абсолютно темно. Пришлось одной рукой вцепиться в пистолет, а другой достать мобильный телефон. Включив фонарик, я посветила внутрь: старый диван в цветочек, столики с лампами, полочка с маленьким телевизором... Никого. Мне даже пришло в голову, что в окне внезапно появится лицо или что убийца подкрадется сзади, но я понимала: это просто влияние американских фильмов ужасов. В реальности такого не бывает, правда?

Рядом с диваном что-то едва заметно светилось, но угол обзора не позволял мне рассмотреть, что именно. Наверное, огонек на автоответчике. Или на любом другом устройстве. У окна напротив я заметила одинокую семидневную свечу, уже догорающую, которая таяла перед образом святой. Я направила луч в тот угол: несколько погасших свечей, открытая Библия на подставке и в центре всего этого – дорогая фигурка святой. Ее было нетрудно разглядеть в мерцающем свете со слабыми тенями, отбрасываемыми на стены дома. Это была Богоматерь с младенцем Иисусом в одной руке и с отрубленной головой – в другой.

Я не слышала о ней с подросткового возраста. Тогда я узнала о ней благодаря школьному другу, почитавшему святую, потому что его отец лишился руки в результате несчастного случая. Мгновенная дрожь пробежала по затылку. Богоматерь восседала на троне из костей. Я сосредоточилась изо всех сил: фантазии не помогут, мне нужно попасть в дом. Память просеивала каждый фильм, который я видела, где

двери взламывали, не оставляя следов. Вскоре я вспомнила о трюке с кредитной картой. Сняла с шеи пропуск и проверила его на гибкость. Дверь на террасу имела, помимо щеколды, напольный замок. Я присела, воткнула карту в дверную щель, перемещая ее снизу вверх, пока не нащупала точку поворота замка. Я начала сгибать карту, стараясь на переломить ее пополам, и сдвигала защелку до тех пор, пока та не повернулась на другую сторону. Я тихонько порадовалась победе. Дверь уже сдает позиции, осталось проделать то же самое с нижним замком.

Я крутила пропуск между дверью и косяком во всех возможных направлениях, помогая себе всем корпусом. Через несколько секунд послышался волшебный щелчок. Поразительно, как любопытство заставляет мозг задействовать все знания, когда-либо полученные в жизни. Я сумела вскрыть дверь, кто бы знал!

Не включая свет, я на цыпочках вошла в дом. В оформлении основной акцент уделялся деталям: подушки с вышитыми цитатами, расположенный в центре обеденный стол, пышная ухоженная растительность. Ничего особенно современного, но обо всем явно заботятся. В комнате витает стойкий аромат лаванды. На журнальном столике – поднос с чайником и серебряной сахарницей, используемые в качестве украшения. Ковровые дорожки поверх напольного покрытия. Скажу банальность: эта информация никоим образом не помогала мне составить впечатление о жильцах. Никаких

зацепок.

Я внимательно осмотрела домашний иконостас. Перед ним – моленная скамеечка, ускользнувшая из моего поля зрения. На полочке – единственная икона. Набожная семья, почитающая Богородицу? Я осмотрела костяной трон: он сделан из керамики. Библия открыта на Псалмах, а 90 Псалом подчеркнут красным цветом: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю! Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение – истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень. Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизятся...»¹⁹ Слишком много текста, не удалось прочитать все. В ином случае я бы спокойно проанализировала такой выбор.

Обеими руками я приподняла с Престола фигурку святой, чтобы взглянуть на надпись на основании, и обнаружила трещину. Святая была полой, а внутри – лист бумаги. Достав из кармана складной нож, я выщелкнула пинцет. Осторожно, чтобы не повредить краску, потянула лист на себя. Эта работа требовала спокойствия и времени – двух вещей, которых у меня не было. Мне приходилось действовать в темноте, в незнакомом доме, пока снаружи шел непрекращаю-

¹⁹ Псалом 90. Псалтирь, синодальный перевод.

щийся дождь, и каждый раскат грома заставлял меня подпрыгивать. Если кто-то придет, я не услышу. Мне придется поспешно прятаться, и одному богу известно, что будет дальше.

Наконец я выудила листок: это была очень старая черно-белая фотография, сложенная пополам. Снимали в местечке, похожем на индейскую деревню – на заднем плане множество деревьев и какие-то ямы. На фото позирует индианка, серьезная, но красивая, с глубоко посаженными глазами и без левой руки. На обороте надпись: «Мануара, племя Капинору, 1955». Что это значит? Я сфотографировала фото с обеих сторон, чтобы не забыть.

Я вернула святую на место и открыла ящичек под иконостасом, но ничего не нашла, только заламинированные молитвенные изречения. Меня всегда привлекали мистические вещи, но сейчас следовало действовать быстрее. Заглянув в остальные комнаты, я убедилась, что внутри за домом ухаживают лучше, чем снаружи. Пройдя через ванную и практически пустую комнату, я добралась до супружеской спальни и вскоре уже обыскивала ящики тумбочек.

Правая тумбочка явно принадлежала жене: накрытая кружевным абажуром лампа, кувшин с водой и подходящий к нему стакан, фоторамка, с которой свисали четки. На фото улыбающиеся молодожены, и ничто не намекало на жуткую реальность. В уголке лежала огромная стопка с десятками журналов с заполненными кроссвордами. В ящике валялось

несколько бумаг, блокнот с заметками о домашних расходах, ключи и в глубине – семейные фотографии. Судя по одежде и прическам, они были сделаны в 1990-х годах. Надпись на обороте подтвердила мои выводы: «Жалис, 1997». Почти в каждом кадре друг другу улыбались четыре женщины, одна из них явно старше остальных: несомненно, мать с тремя дочерями. Кто из них Жанета? Почему они не в рамках? Мысленно я фиксировала вопросы, поскольку история семейных отношений Жанеты могла подтвердить или опровергнуть ее слова.

Тумбочка мужа, разумеется, была заперта. Но мне быстро удалось ее открыть – я уже почти научилась орудовать пропуском. Там были патроны 40-го и 380-го калибра, одноразовый мобильник с предоплаченной симкой, множество «Плейбоев» и несколько порножурналов, скажем так, более реалистичных. В сиреновом конверте – маленькие тетрадные листы с посланиями, написанными от руки женским почерком. «Я приготовила твою любимую мамалыгу, жизнь моя. Жанета» или «Жизнь моя, я так скучаю по тебе, когда ты долго не возвращаешься с дежурства. Скучаю по твоему поцелую, по твоему запаху, по твоим объятиям. Жанета». Повседневные записочки, без конкретных дат, но все довольно-таки страстные. Подобное совершенно не в характере женщины, считающей своего мужа убийцей, готовым убить и ее в любой момент.

В том же конверте, рядом с посланиями, лежала старая

и пожелтевшая фотография хорошенькой женщины, как я догадалась, самой Жанеты: брюнетка со светлыми глазами, с едва заметной сексуальной родинкой на подбородке. На самом дне ящика валялась куча трусиков: телесные, с сердечками, цветочками. Трусики были простенькие, изношенные, застиранные, и запах, который они издавали, запертые в ящике, был очень сильным. Запах использованного, и довольно частенько, белья. Что странно, ничего сексуального. Что за фантазии у этого парня? Жанета сказала, что ее муж убивает женщин, но не говорила, подвергалась ли насилию сама.

Как бы все это ни соответствовало моему представлению об убийце женщин, доказательством это не являлось. Рановато верить в ее историю. Возможно, Жанета преувеличивала, чтобы избавиться от мужа – безусловно. Парень мог быть обычным извращенцем, что опасно, но не всегда является преступлением. Мне и самой иногда нравится завязывать Паулу глаза, использовать наручники, кнуты и охлаждающий гель, купленные в секс-шопе у дома. После нескольких лет брака и появления двоих детей матери стоит проявлять творческий подход, чтобы поддерживать возбуждение.

Я порылась в гардеробе, но не обнаружила ничего особенного. Заглянув под кровать, с облегчением оперлась на ее край. Я ощупывала поверхность пальцами до тех пор, пока не отыскала нечто, похожее на потайной ящик, устроенный в днище. Уверенная, что найду сокровище, я быстро откры-

ла тайник. И увидела вибраторы разных размеров, шелковые лоскуты, мягкий кнут, полусгоревшие свечи и загадочную коробку с надписью: «Набор для терапевтического шока с четырьмя моющимися присосками и электродами электро-волнового действия». Это весомо. Разложив все по местам, я попыталась расправить простыню на кровати. Лучше не вызывать подозрений.

После я отправилась на кухню. Там все тоже было безупречно. Погружной блендер, наполненный водой графин, хлебница, глиняный кувшин. В моей голове рисовался профиль Жанеты: судя по семейным фото, моельному уголку, аромату лаванды и обстановке дома, она, несомненно, была домохозяйкой из сельской местности. Оставила семью в прошлом, проводит дни в одиночестве, поджидает мужа с работы. Отсюда и незатейливые романтические послания, и кроссворды, чтобы скоротать время.

В прачечной на место встала еще одна часть головоломки, и я насторожилась. Рядом с чаном висели две накрахмаленные формы военной полиции. Как не повезло, ее муж – военный коп! Конечно, я слышала, что в Парк-ду-Карму во множестве обитают офицеры военной полиции, но такая мысль просто не приходила мне в голову. Это, конечно, оправдывает наличие боеприпасов и наручников, но не сексуальных игрушек.

В тот момент я была уверена: узнав о расследовании, Карвана убьет меня. Гражданская и военная полиция взаимо-

действовали на уровне «не тронь меня». Нужно как можно быстрее выбираться отсюда, я и так злоупотребляю везением. Общий осмотр я провела, убедилась, что от меня ничто не ускользнуло, проверила щеколду двери, через которую вошла, и еще раз осмотрелась – никого нет, поэтому спокойно вышла через парадную дверь. Дождь продолжал лить как из ведра. Подхватив упавший в траву зонт, я перелезла через забор. Не оглядываясь, направилась к машине и едва не потеряла сознание, почувствовав толчок в спину.

– Вы кого-то ищете? – спросила старуха, обладательница костлявых пальцев, закутанная в шаль и сжимающая в руках зонтик в клеточку. Ее лицо напоминало бульдожье, и совсем скоро до меня дошло, что она из тех городских сплетниц, которые готовы пойти на все, даже выйти в ливень из дома, лишь бы тайком пошпионить за окружающими.

– Так и есть. Но я стучала, никто не ответил.

– Я видела, как уехала машина, – гордо заявила она. – С кем вы хотели поболтать?

– С моей кузиной Лузией из Минаса. Вы ее знаете?

Старуха нахмурилась и оглядела меня сверху донизу.

– Здесь не живет ни одной Лузии, – неохотно проговорила она. – Хозяйку зовут Жанета. Что вам от нее нужно в такое время?

– Ничего, я же сказала – я ищу Лузию.

Старуха оказалась до ужаса занудной. Чем быстрее я исчезну, тем лучше. Я развернулась к ней спиной и стреми-

тельно ушла. Села в машину, швырнула сумку и зонт на пассажирское сиденье, нацепила браслеты и повернула ключ в зажигании. Два часа пробок – и я добралась до дома, вся промокшая и покрытая грязью. Измотанная до невозможности, я хотела одного – продолжить поиски. Любому детективу стоит понимать, что каждый случай – это шкатулка с секретом. Закрыта одна, значит, открой другую. После посещения дома Жанеты надо побеспокоиться о Марте. А значит, стоит проверить сообщения на AmorIdeal.com.

Стоило мне открыть дверь, как захотелось разрыдаться. Стол был накрыт на двоих, в подсвечниках свечи, в бокалах вино. Боже мой, это не шутки, Паулу устроил романтический вечер. Мне же не хватает сил для ужина.

– Привет, Чу, – сказал он, подходя с бутылкой в руке. Пришлось выдать улыбку.

– Привет, милый.

Паулу поцеловал меня в шею, затем в плечо. Я отошла от него:

– Постой, подожди, я вся грязная и потная.

– Мне нравится, когда ты потная. Знаешь, Чу... Это не похоже на твой настоящий запах.

Я в отчаянии наблюдала за приближающимся ко мне мужем, переполненным страстью. Я не могла уйти, не вызвав подозрений. Выяснять отношения после этого – значительно хуже.

– Ой, Чу, я тоже соскучилась, – успокоила я. – Дай мне

быстренько принять душ, и я надену особую ночнушку.

Закусив губу, он согласился. Я помчалась в ванную, прыгнула под душ, избавляясь от одежды. Как восхитительны падающие на тело струи воды! Мне необходимо расслабиться, чтобы прийти в нужный настрой. О чем я и позаботилась, пока не достигла требуемого состояния. Надев ночную рубашку, я отправилась в гостиную с мокрыми волосами.

Паулу успел выпить бутылку «Каберне Совиньон». Я открыла вторую. За ужином я продолжала болтать, наполняя его бокал вином, а себе вино разбавляла водой. Он даже не заметил. Когда мы легли в кровать, все случилось быстро, без прелюдии: он был дико возбужден и пьян едва не до потери пульса. Паулу кончил без моих особых манипуляций и откатился в сторону, тут же отключившись. Тигра будет храпеть всю ночь, не доставая меня. Я побежала за ноутбуком.

Девяносто шесть ответов, всплыло в верхней части сайта знакомств. Такая цифра меня впечатлила. Девяносто шесть! И эти мужики в самом деле пускают слюнки, прикиньте? Мое эго сразу же раздулось, это было неизбежно, но мне пришлось сосредоточиться, и я принялась просматривать ответы один за другим. Ники варьировались от банальных до сюрреалистичных: Ахиллес, Джон, Приглашаю под венец, Гатокариока1, Интересный X, Путь победителя, Тони Бернет. Очевидно, ни @estudantelegal88, ни Пьетро среди них не было. Мошеннику при каждой афере приходится менять имя пользователя и аккаунт.

Я принялась удалять сообщения с аккаунтов, далеких от нужного мне профиля. Например, мужчины старше сорока исключаются, @estudantelegal88 был моложе. Из сообщений, которые он писал Марте, я также сделала вывод, что он достаточно образован, чтобы правильно спрягать глаголы, например «сейчас четыре утра» и «жду не дожусь, когда мы будем вместе», а также использовать сложные слова, такие как «убедительно», «необходимость». Кроме того, он часто сокращал «тебе» и «потому что», но иногда писал слова целиком. Было ли это преднамеренно? Не слишком ли я усложняю анализ? Карвана сказал бы: «Будь проще, Веро, будь проще!»

В отсеке ненужных профилей помогала вкладка «Мне нравится». @estudantelegal88, несомненно, из тех, кто наслаждается «семейным уютом», кому нравятся «пунктуальность», «строгое воспитание», «верность» – интересный профиль, достаточно пафосный, чтобы заинтересовать женщин с тонкой душевной организацией. Джентльмен, обманувший Марту Кампос. Я исключила обладателей более традиционных и менее эффектных профессий, таких как бухгалтеры и военные.

Моими стараниями варианты сузились от девяноста шести до пятидесяти четырех, и все равно их осталось слишком много. Тут были все: бизнесмен, врач, философ, дантист, юрист, историк. И конечно, ничто не гарантировало мне, что @estudantelegal88 – один из них. Мне необходимо больше

критериев отбора, чтобы привлечь нужного мужчину и добраться до него, это правда. А для этого нужно лучше узнать, чем жила Марта Кампос.

Уже на рассвете я просмотрела фотографии, сделанные на мобильный в доме Марты. Я листала изображения, постоянно увеличивая их. Просмотрела я и ее ежедневник, полный бесполезных заметок. Некоторые повседневные дела были подчеркнуты маркером: визиты к врачу, походы в спортзал или салон красоты. Никаких упоминаний о встречах с мошенником. На задней сторонке обложки записной книжки я обнаружила незаметный кармашек со значком фирмы «Квартили» с фотографией Марты.

С помощью поисковика я выяснила, что «Квартили» – многонациональная строительная компания на проспекте Паулиста, место работы Марты – идеальный вариант, чтобы узнать о ней побольше. Я решила, что поеду туда завтра.

Пробковая доска с ее расследованием тоже оказалась кладезем информации, но чтобы тщательно все просмотреть, нужно несколько часов. Даже очень возбужденное, мое тело не успевало за сменой событий и просило отдыха. Возможно, завтра.

Во всяком случае, получив ответы на веб-сайте, я поняла, что сижу на хвосте у @estudantelegal88. Я чужла запах ублюдка. Лежа в постели под одеялом рядом с мужем, я прикрыла глаза, смакуя, что сделаю с мерзавцем, когда найду его. Расскажу о нем репортерам? Нет. Передам в полицию?

Ни за что.

Я решила отрезать ему член.

Жанета сидит на пассажирском сиденье и понятия не имеет, куда едет. Когда у тебя завязаны глаза, то кажется, будто в машине ты провела часа полтора, может быть, два. Брандао с ней не разговаривает, он просто ведет автомобиль, слушая невыносимую музыку, закольцованную на CD-проигрывателе. Похоже на пение женщин одного из местных племен – нервный ритм, топание ногами по земле, сопровождаемое пощелкиваниями и жалобными криками. У Жанеты пробегают мурашки по коже.

После стольких лет ты привыкаешь не задавать вопросов – *куда меня везут? Что за песня? А девушка в багажнике?* Жанета знает – это бесполезно. Она дрожит, лишившись дара речи, и чувствует, что они уже проехали хорошую асфальтированную дорогу, и в дождливые дни, подобные сегодняшнему, машина не переключается ни на вторую, ни на третью передачу. Вперед, только вперед. Она чувствует тошноту, ее то укачивает, то попускает. Тяжело сглатывая вязкую слюну, она пытается сосредоточиться на том, чтобы услышать какой-нибудь звук, ощутить хоть какой запах, который поможет ей определить, куда ее везут.

В какой-то момент – резкий поворот направо. Машина трясется, как она предполагает, по проселочной дороге. Дождь прекращается, и Жанета уверена – они все дальше и

дальше от большого Сан-Паулу. Она слышит знакомый гравий и чувствует запах, меняющийся в зависимости от времени года. Порой это лемонграсс, в другое время – жасмин. Весной и летом доносятся пронзительные звуки цикад. Сверчки шумят оглушающе, но раздражают не так, как эта проклятая музыка, играющая без остановки.

Машина замедляется, минует нечто, напоминающее деревянные мостки, и вскоре останавливается. Брандао выходит, и Жанета слышит скрип ворот. Она продолжает сидеть на пассажирском сиденье, глаза завязаны, руки лежат на коленях, грудь тяжело вздымается. Движение машины подтверждает ее подозрения: они проезжают еще несколько метров, и муж снова выходит – закрыть ворота фермы? Или для чего-то другого? Она не знает, что и зачем он делает, но до его возвращения всегда проходит несколько минут.

Ночная тишина приносит звуки природы, безмятежные и приятные, но вскоре приходят и звуки из багажника: Деуса медленно приходит в себя, осознает, где она, издает панический стон, бьет кулаками по крышке багажника, царапает обшивку, пинает заднее сиденье. Жанета испытывает неодолимое желание отреагировать, хочет увидеть, где она, хочет спасти Деусу от ужаса.

Она набирается смелости и медленно подносит дрожащие руки к лицу. Касается подбородка, затылка, волос. Начинает плакать. Она никогда не заходила так далеко. Ее пальцы блуждают по резинке повязки для сна, смелый указательный

палец оттягивает ткань вверх на несколько сантиметров, и ей удается увидеть полоску света от приборной панели автомобиля.

Руки очерчивают лицо, вытирая слезу, которая вырвалась из тьмы и скатилась по щеке. Жанета осторожно приподнимает повязку еще чуть-чуть и смотрит. Сама не верит, но смотрит. Вокруг темно, безлюдно, нет ни фонарных столбов, ни домов, ничего. Виднеются только кустарники и тени деревьев. Машина стоит в поле. Так куда делся Брандао? Куда он ее привез? Ей хочется выйти из машины и выяснить, но это уже чересчур. Она до смерти боится быть пойманной. Возвращается во тьму, снова кладет руки на бедра. Терпеливо ждет. Пять минут, сорок – она не знает. Это часть пытки.

Наконец Жанета слышит шаги мужа по влажной траве. Возвращается к прежней позе, надеясь, что издалека он не разглядит ее смелость. Брандао открывает пассажирскую дверцу, выключает проигрыватель, берет жену за руку и ведет ее. Она чувствует запах мокрой земли, к кроссовкам прилипает грязь, пока они несколько метров идут по неровной поверхности рука об руку. Затем они начинают спускаться по винтовой лестнице. Жанета осторожно делает каждый шаг, положив руки ему на плечи, движется на ощупь с неуверенностью вынужденной слепоты. Натывается на перила и чувствует холодный, влажный металл. В течение многих лет она думала, что место, куда они приходят, – подвал дома. Но теперь она знает – это бункер. Бункер в чистом поле, вот так!

От него пахнет затхлостью, смешанной с запахом эфира, как в старой больнице. Жанета идет неуверенно, направляемая мужем, который вновь берет ее за руку. Брандао заставляет ее сесть в большое мягкое вращающееся кресло и приказывает снять с глаз повязку.

Она подчиняется, не смея двигаться слишком активно. Все, что она видит, это красный бархат на подлокотниках кресла и влажная стена на расстоянии нескольких метров. По потолку проходит стальная балка – неизвестно, где она начинается и где заканчивается. Здесь она в центре происходящего, как будто на сцене, но это просто ощущение – она понятия не имеет, насколько велико пространство за ее спиной, и даже не думает смотреть через плечо.

– Коробка, – говорит Брандао, указывая на предмет в нескольких сантиметрах от ее ног. Жанета дрожит, она приходит в ужас от одного взгляда на коробку. Она не выдерживает, она достигла предела. Кислый привкус подступает к горлу, обжигая все на своем пути. В глазах жжет. *Что угодно, только не коробка*, думает она. Пытается выиграть время, делает вид, будто не слышит, не сводя глаз с неровной стены из покрытого плесенью кирпича, изучая узоры, созданные мхом и вездесущей травой.

– Коробка, птишка, – спокойно настаивает он. Когда Брандао понижает голос, опасность возрастает. Опустошенная, она наклоняется, протягивает руку и берет коробку. Та весит немного. Большая, но простая, сделанная из дерева, иде-

ально подходящая под ее голову. На двух боковых сторонах сделано несколько отверстий, прямо на уровне ушей. Жанета знает причину: Брандао хочет, чтобы она слышала ритуал.

Смирившись, она надевает самое эффективное из известных ей приспособлений для пыток. Открывает коробку, раскладывая пополам, опускает на голову и погружается в крошечную тьму. Сводит половины вместе на шее и нажимает на металлическую защелку, удерживающую коробку на плечах, словно деревянная конструкция поглотила ее череп.

Щелк.

Брандао проверяет крепление, слегка потянув на себя. Разворачивает кресло на сто восемьдесят градусов спиной к стене, а лицом невесть к чему. Жанета никогда не знает, что происходит прямо перед ней, она может лишь воображать. Она ничего не видит, только слышит пугающие звуки, и ее фантазия вырывается на свободу, сбрасывает оковы рассудка, выбивает в памяти раны, словно ожоги на коже ребенка. Порой Жанета думает, что ей повезло не видеть того, что делает Брандао с девушками с автовокзала. В ином случае...

Какое бессилие, боже мой, какое бессилие.

В ноздри ударяет запах сырой древесины. Слишком приторный, но вскоре на первый план выходит другой: горящие свечи. Она слышит, как чиркают спички. Наверное, Брандао зажигает свечи по периметру бункера. Может, тут тоже есть иконостас? Или просто здесь нет электричества?

Глубоко вдохнув, Жанета пытается различить ароматы.

Она уже позвонила в полицию, поговорила с женщиной-полицейским Вероникой. Это вот-вот изменит ее жизнь, и ей нужно быть очень внимательной, иначе никто и никогда не сможет найти это место. Ей требуются подсказки. *Постарайся получить: это керосин, определено. Фонари? Лампы?*

Бункер начинает нагреваться. Так происходит всегда, жар поднимается со всех сторон, словно она горит в аду, и комнату пронизывает запах кофе. Первые несколько раз она не могла в это поверить: в подобной ситуации Брандао делает паузу, чтобы сварить кофе. Она слышит звук жидкости, переливающейся в контейнер – термос? Насвистывая свою жестокую колыбельную, Брандао поднимается по металлической лестнице. Прислушиваясь к его шагам, она слегка поворачивает коробку – так удобнее. Это тяжело, штуковина плотно сидит на шее, но Жанета уже знает, в каком положении удобнее всего. Тончайшие лучики света проникают через отверстия по бокам коробки, но справляются с темнотой внутри. Они толщиной с булавку. Через дырки ничего не разглядишь – она пробовала, и не получилось. Поэтому Жанета остается в прежнем положении, зная, что Брандао скоро вернется.

Она слушает его шаги по лестнице, на сей раз более медленные и тяжелые, потому что, без сомнения, он несет на руках Деусу. Или это всего лишь ее воображение? Возможно, девушка идет сама, под прицелом пистолета. Нет, тогда Жанета услышала бы шаги двух человек... Если только Деуса

не босиком. Жанета слушает очень внимательно, проклиная себя за это. Любопытство побеждает страх. Каждый раз она подмечает новую деталь и знает, что все это пригодится при разговоре с полицией.

– Спи, моя малышка, не стоит просыпаться²⁰, – насвистывает Брандао. Под звуки колыбельной она слышит приглушенные стоны Деусы. Он успокоил ее? Или Деусе заткнули рот?

Вскоре начинается кошмар: беспрестанный вой, многострадальный крик и цепи, скользящие по шестеренкам. Звук металла о металл отражается в коробке, раздражая слух. Это оглушительно. Один, два, три рывка. Жанета почти видит, как девушка подвешена на ремнях. Вверх ногами или вниз?

Скольжение цепи длится меньше минуты. Затем наступают передышка. Брандао уходит, снова поднимается по лестнице и на этот раз захлопывает люк. Она не знает, запирает ли их муж, но уверена, что кофе он забирает с собой – запах удаляется вместе с ним. Деуса продолжает выть, умоляет о помощи, требует объяснений, надеется. Должно быть, девушка очень хорошо связана, металл цепей звенит как в нечеловеческом оркестре, когда она пытается освободиться.

Жанета могла бы открыть щеколду, стряхнуть с себя тьму и осмотреться. Брандао здесь нет, и когда он уходит с кофе, то долго не возвращается. Она не привязана к креслу, может делать все, что хочет, но Жанета ничего не делает. Она ду-

²⁰ Песня Шикю Буарки – «Acalanto».

мает о своей семье, покойной матери, сестрах, давнем желании иметь детей. От этой мечты она давно отказалась и принимает противозачаточные таблетки с той же преданностью, с которой читает псалмы каждый день. Жанета представляет себя матерью и мишенью для гнева Брандао, подвешенной и замученной. Она не сможет этого вынести. Она даже не способна произнести несколько слов, чтобы успокоить Деусу, которая не переставая кричит.

Для Брандао эти женщины – ничто. Он никогда с ними не разговаривает, не видит их полных надежды глаз, когда они выходят из автобуса и ныряют в новую жизнь. Он не слышит кусочков их историй, пока они идут к машине, не видит фотографий их детей, нередко совсем младенцев, которые они показывают с экранов мобильных, стремясь объяснить, что приехали в Сан-Паулу, чтобы заработать ради них. Жанета не может смотреть в глаза Деусы. Для нее это человек. Для Брандао – одноразовая игрушка, мусор.

Жанета сидит на месте, напряженные руки опустились на подлокотники кресла. У нее тысяча планов в голове, но она слишком слабая. Может быть, это просто страх. Хорошенькое оправдание: страх. Любой поймет. Она частенько надеется, что Брандао вернется побыстрее и поскорее покончит со всем. А порой молится об отсрочке, словно каким-то чудом муж может передумать. Такого никогда не случалось.

Внутри коробки становится все жарче, она потеет каждой порой и теряет счет времени. Простая задача – дышать –

усложняется с каждой минутой, воротник блузки начинает мокнуть. Клаустрофобия, которую она испытывает, заставляет ее считать, будто бункер – это тоже коробка. Коробка внутри коробки.

Жанета приходит в себя из-за Брандао, который вернулся и роется в чем-то вроде брезента. Она даже не услышала его приближения. Металлический звон. Ножницы? Точит скальпели? Ножи? За каждым молчаливым ударом следуют гортанные крики Деусы. Жанета знает, что она проведет ночь, придавая форму и цвет крикам бедняжки. Этот незванный гость – спутник ее боли.

Жанета интуитивно понимает, что находится менее чем в паре метров от происходящего, и пытается сосредоточиться на других звуках, скрывающихся за криками. Что он использует, чтобы причинить столько страданий? В голове проскакивают образы плоскогубцев и щипцов. А это молоток, забивающий гвозди в плоть. Удары идут с перерывами, но не прекращаются. Жанета ловит капли унижения:

– Ради бога, не делайте этого со мной!

– Нет, не надо!

– Стойте, пожалуйста, остановитесь!

Она слышит удары плетей из латекса, цепи, трущиеся друг о друга. Иногда Брандао смеется, и Жанета знает, что он смеется над ней, над ее лицом, жалко запакованным в коробку. И снова лязг, металлический грохот, крики. Используя тот или иной инструмент, муж бросает их на землю.

— Спи, моя малышка, — в какой-то момент говорит он Деусе, и Жанета воображает, как он ласкает ее мокрое лицо. — Спи, и я покажу тебе, что значит испытать наслаждение.

Снова звук цепей, проходящих через шестерни, плач, сдавленный шепот. Разряд, знаменующий жестокое приближение оголенных электрических проводов. У Жанеты мурашки по коже, когда она представляет, каково это — получать удары шокером. Самой ей потребовалось много времени, чтобы привыкнуть к шок-комплекту, который Брандао любит использовать в постели, но, по крайней мере, он создан для того, чтобы доставлять удовольствие.

Время от времени Деуса скулит: «Слишком туго», и Жанета слышит, как затягиваются липучки и кожаные ремни. Они занимаются сексом? Внезапная тишина подсказывает, что девушка потеряла сознание. Очнувшись, та вновь замолкает, вероятно, из-за кожаной маски, виденной Жанетой в эротических журналах, которые собирает ее муж. Иногда она слышит звуки рвотных позывов и вспоминает кляпы в виде шарика. Дыхание Брандао становится все громче и громче. Она знает этот похотливый ритм, звуки толчков, шлепки по обнаженной коже.

Жанета ревнует. Она даже не может нормально дышать. Она потеет, но не может вытереться. Она в полуобмороке. Внезапно стоны Деусы меняют тональность. Жанета ненавидит этот момент, но он всегда наступает. Как возможно так быстро перейти от ужаса к наслаждению? Первые несколь-

ко раз она даже сомневалась, думала, это игра ее воображения. Теперь она уверена: это стоны возбуждения. Деуса страдает, дрожит, но ей это начинает нравиться. Возможно ли такое? Несомненно, Брандао применяет свои навыки, чтобы добиться таких результатов, она и сама это знает. Она – пленница рта, рук и чар своего мужа.

Жанета понятия не имеет, как долго это продолжается, но не прекращает слушать. Возмущается, но возбуждается. Во мраке коробки представляет себе сексуальную игру, почти чувствует ласки, которые теперь предназначены Деусе. Она борется с собой, впивается ногтями в ладони, пытаюсь во что бы то ни стало помешать своему телу участвовать в этой отвратительной оргии. Но и в этом она бессильна.

В финале Деуса извергает что-то вроде болезненного оргазма. Подобно дикому зверю, Брандао тоже рычит и вновь начинает возиться с цепями. Жанете кажется, будто она мчится по рельсам, как на американских горках. Голос Деусы кружится над ее головой все быстрее и быстрее. Когда скорость увеличивается, Брандао хохочет, кончая. Жанета чувствует такое головокружение, что на миг теряет сознание. Звуки смешиваются в ее голове, крики раздаются эхом, и она не способна отличить реальность от вымысла.

Затем наступает тишина. Неловкая, почти грубая после такого шума. Она уверена, что именно в этот момент он убивает женщину. Иначе с чего бы Деусе быть такой тихой, если ее не убили? Может, она успокоилась? Жанета слышит пла-

стиковый шорох, стуки и сухой звук, который напоминает ей о том, как отец забивал цыплят к воскресному обеду. В каком-то смысле она испытывает облегчение – ритуал подходит к концу. Брандао снова поднимается по лестнице – шагает медленно, с некоторым трудом. Она представляет, как он несет на руках мертвое тело Деусы. Жанета остается одна, но даже не пытается пошевелиться. Словно туман опускается на нее, мешая мысли и сбивая с толку. Она устала от эмоций.

Через несколько минут муж возвращается, и она чувствует, как он кладет руки на подлокотники кресла. Он разворачивает стул к стене и приказывает Жанете снять с головы коробку. Она подчиняется, открывая застёжку. Щелк. Она не может поверить, что сделала это снова. Она думала, что умрет. Жанета начинает невольно плакать. Брандао засовывает руку к ней в трусики и ощущает ее возбуждение – она вся мокрая.

– Не сильно ты и отличаешься от меня, – говорит он. – Врунишка.

Жанету охватывает стыд. Она не понимает, как можно испытывать сейчас возбуждение, но это случилось, куда деваться? Темнота коробки помогает. Она смотрит на Брандао и чувствует сильное желание обернуться и осмотреть помещение, увидеть, есть ли кровь на полу, посмотреть, где инструменты и цепи, жива ли еще Деуса или уже мертва. Его форма по-прежнему безупречна, ни единого пятнышка. Как

муж может делать все это, не испачкавшись?

– Надень на глаза повязку, – командует он.

– Где девушка? Ты убил ее?

– Нет.

Она пытается прочесть что-то в выражении его лица, но ничего не видит. Слезы все сильнее текут по ее лицу. Брандао слизывает их кончиком языка. Он любит пить слезы.

– Это пройдет, пташка. Мы трахаемся, а ты прощаешь.

Своими словами он словно высасывает из нее жизненную энергию. Униженная, Жанета завязывает глаза повязкой и кладет руки на плечи Брандао. Они вместе возвращаются к машине, она следует за ним, и душевный раздрай объединяется с неуверенностью походки – она не видит, куда ступает. Жанета чувствует отвращение к себе, к Брандао, к жизни. Дышит чистым воздухом открытой местности, но это бесполезно. Прежде чем сесть в машину, она сгибается в рвотных позывах. Три сильных спазма из самых кишок. Жанета стоит неподвижно, выжидая, но все кончилось. Она пуста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.